

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Вагин

ЛЕЙТЕНАНТ ИЗ БУДУЩЕГО

**Спецназ ГРУ
против бандеровцев**

Самый младший лейтенант

Юрий Валин

**Лейтенант из будущего. Спецназ
ГРУ против бандеровцев**

«Автор»

2014

Валин Ю. П.

Лейтенант из будущего. Спецназ ГРУ против бандеровцев /
Ю. П. Валин — «Автор», 2014 — (Самый младший лейтенант)

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Десант стоит насмерть». Спецгруппа ГРУ заброшена из нашего времени в 1944 год, чтобы помешать тайной нацистской организации изменить историю Второй Мировой. Разведчики из будущего должны захватить во фронтовом Львове оберштурмбаннфюрера СС, который руководит секретными операциями по преобразению реальности. Российскому спецназу придется с головой окунуться в кровавый омут городских боев, где штурмовые группы Красной Армии рубятся с немецкими егерями и бандеровцами из эсэсовской дивизии «Галичина»...

© Валин Ю. П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
1. Герои легенд	9
2. Сводная группа	20
3. Непроходимые Броды	29
4. От исходных	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юрий Валин

Лейтенант из будущего. Спецназ ГРУ против бандеровцев

Автор благодарит:

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы;

Ивана Блажевича – за помощь и технические советы;

Михаила Рагимова – за литературную помощь;

Юрия Паневина – за помощь и советы.

Автор просит считать все совпадения имен, фамилий и географических названий не более чем совпадениями.

Пролог

19 июля 201? года. Москва, расположение отдела «К» 10:20

«...Молодеет древний край. От Байкала до Амура мы проложим магистраль», – приглушенно, но бодро пообещали динамики компьютера.

Насчет магистрали все было правильно, уже построили, вот только нынешняя суточная сводка ФСПП особым оптимизмом не радовала.

Сыктывкар. Лобовое столкновение автобусов. 16 погибших, 32 пострадавших. По предварительным данным, один из водителей инфицирован.

Саратов. Нападение на интернат, попытка подрыва СВУ. Четверо пострадавших. Инфицированная женщина-подрывник уничтожена охраной.

В Москве было относительно спокойно, лишь на Волхонке произошла массовая драка: хотя полиция неизменно пыталась развести «хвосты» очередей из страждущих припасть к мощам Пахома-пустынника в Храме и поклонников Брайда Мордена, с ночи занимающих очередь на выставку в новом зале музея им. Пушкина, преуспеть в сем сложном деле вновь не получилось. По непостижимому стечению обстоятельств скользящие очереди непременно сближались и вступали в очный спор. Проезд по Волхонке оказался заблокирован, но водометы с ситуацией справились, и теперь умытые и встрепанные участники религиозно-искусствоведческой дискуссии давали интервью дежурным телерепортерам.

Капитан Коваленко поморщился и переключился на международную сводку. На Ближнем Востоке, естественно, напряженно, но действия боевиков истолковывать как «рост эпидемиологической активности» сложно. Исламисты и до прихода Психи особой адекватностью не отличались.

Великобритания. Лондон. Несколько тысяч подростков продолжают удерживать торговые центры на Эссекс-роуд. Полиция блокировала окружающие улицы, пытаясь предотвратить продолжение затянувшегося флешмоба. Сообщается о трех десятках погибших, двух сотнях пострадавших. О количестве инфицированных точных данных нет.

Республика Корея. Пусан. Групповой суицид в курортном районе Тоннэгу. Число погибших от 84 до 160 человек, инфицировано 80 процентов погибших (данные предварительные).

Франция. Аэропорт Орли. Сообщения СМИ об инфицировании известной телезвезды пока официально не подтверждены. Требование раздеться для личного досмотра Арсения Обиак выполнила, но одеваться категорически отказалась. Оказала сопротивление сотрудникам службы авиационной безопасности и с криками «Долой кровавый режим!» выбежала в транзитную зону, где приковала себя к перилам кафетерия...

Коваленко вновь поморщился и поспешно закрыл сводку. Все это безобразие непосредственно к службе Отдела отношения не имело. То, что в обиходе называлось «эпидемия Психи», имело множество неприятных, а чаще жутких проявлений. Борьба с глобальной угрозой надлежала комплексно, и перед войсковой частью «Колонна 3945» стояла своя, узкая, но немаловажная задача.

Вот именно что «стояла». Сигнала на проведение операции пока не поступало. Сейчас работали партнеры, обе опергруппы Отдела – основная и резервная – могли лишь шлифовать детали разработанной операции. Но как их шлифовать, если персоналии не подтверждены, да и конкретный вариант действий не ясен?

Капитан потрогал пластырь на шее – шрам под ним нудно чесался. Трогать нельзя, действовать нельзя, от аналитической работы уже мутит, из коридора доносятся мерзкие звуки – компьютерщики Расчетной группы, пытаясь, подтягиваются на перекладине. Безумное новшество, разрешенное ИО начотдела в минуту временного помрачения рассудка. Понятно, что у компьютерных людей ум за разум заходит от бесконечных расчетов, но теперь на турнике постоянно кто-то висит, «расслабляя мозг». Не дай бог проверяющие нагрянут... Это все Земляков с его пропагандой «планового чередования нагрузок».

Сержант Земляков, кстати, с переводом писем затягивал. Понятно, эпистолярные загадки с понятными лишь адресату шифровками, – головоломка еще та. Да и вряд ли там можно выловить хоть сколько-нибудь важные подробности. Идти нужно и разобраться на месте...

Коваленко злобно посмотрел на стену. Между двумя сувенирными пистолетами висело небольшое живописное полотно, выполненное в современной труднообъяснимой манере, но весьма реалистично изображающее влажное пятно мерзостных буро-желтых оттенков. Кто приволок эту гадость в штаб и чья рука прилепила на раму название «Подвиг улитки», осталось невыясненным. Изначально назидательную живопись пристроили в пищеблоке, но там шедевр вызывал чересчур оживленные прения по толкованию сюжета, и капитан забрал предмет искусства в свой кабинет. В качестве наглядной назидательной агитации. Чтобы можно было многозначительно указать пальцем без всяких там «урою!» и «чтоб как у кота яйца».

Тьфу, постмодернизм с авангардом. Образованная курсант-координатор Уварова настаивала, что манера письма художника близка к фовизму – не издевалась, действительно водилась такая хрень у лягушатников. Кто его знает, что подразумевал тот художник с вернисажа на Крымской, намалевавший «Подвиг У», но картина со своей целью справлялась.

Суетиться не нужно. Иначе одна клякса от тебя и останется.

Отдел (ныне официально именуемый Колонной 3945, но все равно оставшийся для личного состава Отделом-К) не суетился. Но спешил. Обстановка поджимала, руководство требовало, да и бойцы важность задачи осознавали. Начинался новый этап отлова-выуживания «Кукушки». Нехорошая *Norfkusuck*¹ продолжала гадить в своем военном 1944-м. Мутная, как сказали бы сейчас, «неправительственная» организация, имеющая скрытую поддержку в верхах Третьего рейха. Проводящая опыты с «протыканием» пространства и добившаяся определенных результатов. Катастрофических результатов. Не для своего времени, разумеется, а для невеселой современности. Есть такая теория «кругов на воде»². Впрочем, Отдел занимается грубой практикой. Задача проста: «Кукушка-*Norfkusuck*» должна быть выявлена и зачищена. Кое-что сделано, цепь последовательных операций Отдела в июне 1944 года едва ли можно назвать удачными, но ухватить ниточку удалось. Ниточка, правда, оказалась путаная и гниловатая – так и норовила порваться. Сейчас ее пытались связать коллеги в Германии, Австрии и Украине. Напряженно работал и переброшенный на направление «Норфика» полноценный

¹ *Norfkusuck* (нем.) – «глухая кукушка». В разговорах сотрудников Отдела употребляется сокращенное «Норфик».

² Подробнее о *Norfkusuck* и ее деятельности упоминается в романах «Карельский десант» и «Болотный десант».

сектор АЧА³. Работали, искали, нащупывали, готовили операцию и там, в 1944-м. У Отдела имелась уйма союзников, профессиональных и не очень, но делающих свое дело. Напряжение стянутых в кулак сил не могло не дать результата.

Работают люди, и лишь капитан Коваленко сидит, пялится на фовизм и тупую мысль думает. М-да, суровый сгусток возмездия, так сказать, жалящий клинок Вооруженных Сил. Между тем, требования на технику в Департаменте ресурсного обеспечения в очередной раз завернули, ведомости от начфина не подписаны, опросник из ФСПП заполнять некогда...

Капитан Коваленко сдержал вздох и придвинул папку с ведомостями...

Нужно ждать подтверждения.

17 сентября 1957 года Байрейт ФРГ 12:40

Лейтенант бундесвера Отто Хольт

Агент сдержал вздох и попытался поестественнее держать руки в карманах. Пальто было слишком длинным, непривычным. Странное ощущение – попасть в прошлое. Пусть и не совсем своей линии widerspiegelung⁴. Русские называют эти множественные отражения-двойники «кальками». Обычная тяга московских коллег – упрощая, усложнять.

Банхофштрассе не слишком изменилась. Немноголюдная, чистенькая, немногочисленные портреты Аденауэра⁵ и смешные плакаты СДПГ⁶ – выборы в бундестаг закончились два дня назад. Страна оправилась от ужасов войны и разрухи, вернула Саарскую область и стремительно богатеет. Вернее, часть страны. В Восточной Германии все несколько иначе.

Отто Хольт покачал головой – историю он знал и любил, но одно дело – знать, как страна жила, разделенная стеной и всякими «занавесами», другое дело это прочувствовать. Впрочем, командировка краткосрочная, посему долой сентиментальность.

Дом номер 42. Аккуратный, никаких турок и иных «этнических немцев» вокруг. Война городок почти не затронула – в Том апреле танки Паттона проскочили с ходу, спеша к Нюрнбергу, грозя флангу и тылам 1-й немецкой армии. Мирный городок с роскошным оперным театром.

...Дверь без домофона и электронных замков. Чистая лестница увела на второй этаж. Отто смотрел на дверь. Ничего страшного, абсолютно рутинная работа. Да, минус шестьдесят лет, не совсем своя реальность, но можно быть уверенным, что стрелять в тебя не начнут.

Все равно страшно.

Отто побренчал в кармане монетками с лобастым профилем физика-теоретика⁷ и решительно крутанул ручку звонка.

Открыла неюная фройляйн в оборчатом переднике.

– Добрый день. Фройляйн Визе?

– Да, что вам угодно? – хозяйка смотрела настороженно, если не сказать подозрительно.

– Отто Хольт, управление архивов пенсионного обеспечения, – гость снял шляпу, многозначительно подправил вмятину на тулье. – Наше управление хотело бы задать несколько вопросов относительно некоего Карла Визе. Штурмбаннфюрера Карла Визе. Вы ведь его дочь?

Испугалась. Откровенно испугалась. Бледные губы дернулись. Злая несчастная баба, отец пропал без вести, брат погиб, мать умерла. О женихе никаких сведений найти не удалось, была слишком юна, или и в юности отпугивала лошадиной челюстью...

---

³ АЧА – Агентство чрезвычайной аналитики.

⁴ Отражение, ответ (нем.).

⁵ Конрад Аденауэр – федеральный канцлер ФРГ (1949–1963).

⁶ СДПГ – Социал-демократическая партия Германии.

⁷ На монетах ФРГ номиналом в две марки был изображен Макс Планк – немецкий физик, основоположник квантовой физики.

– Послушайте, господин Хольт, я уже все рассказывала. Я почти ничего не помню. Мне было шестнадцать лет, когда я в последний раз видела отца. И он не был преступником! Просто врач. Очень хороший врач. Да, он носил форму СС, но никаких преступлений...

– Бог мой, мы далеки от мысли предъявлять обвинения вашему отцу, тем более лично вам. Прошу вас успокоиться, к сто четвертому закону⁸ наш разговор не имеет ни малейшего отношения. Иные времена, фройляйн Визе. Пора привести в порядок документацию. Вы только представьте, сколько документов сгорело, пропало, было похищено или сознательно уничтожено. Мы обязаны навести порядок в архивах. Прошу вас, давайте вернемся в то нелегкое время...

...Отто пил чай – надо признать, довольно неплохой. Фройляйн Визе успокоилась, вспоминала последний приезд отца, разговоры с матерью. Нужно уметь слушать. И спрашивать. Отвратительное чувство «шпионства» исчезло. Это в любом случае уже история. Или нет? Коллега Земляков ненавидит нацистов. Воспитанный человек, не дает чувствам взять верх, но это чувствуется. И он ходил Туда. Возможно, стрелял в брата этой несчастной фройляйн Визе. Возможно, убил его. Хотя маловероятно. Коллега занимается той же работой – задает вопросы. Интересно, мог бы он ненавидеть своего соотечественника? Грозить, кричать, светить лампой в лицо, возможно, даже избивать, как показывают в фильмах о жутком СМЕРШе? Впрочем, у русских все очень сложно...

От разговорившейся фройляйн Визе дознаватель вышел через четыре часа. Полезного было не так много, но главное подтвердилось. Значит, все-таки Lemberg? По-русски – Львов. Город зверя льва. Везде следы призрака «Кукушка», даже над львами. Нащупают коллеги?

* * *

Приказ на начало операции отдан, и теперь от отдельных людей мало что зависело. Иной масштаб, иной уровень. Оперативная группа «Отдела К» лишь одна из частей огромного механизма, кого еще подхватит и понесет, не угадать. Стать частью спасательной машины или быть затянутым под шестеренки, раздробленным и перемолотым, человек всегда решает сам. У каждого есть свой перекресток, своя дверь или люк самолета. Прыгнул, досчитал, рванул кольцо, встряхнул, раскрываясь над головой, купол парашюта. Или не встряхнул, и несешься ты к земле, крича в пустоту...

Проблема в том, что прыгать в жизни отнюдь не единственный раз приходится.

Капитан Коваленко еще раз просмотрел шифровку. Хорошо философствовать. Работаем...

---

⁸ «Закон об освобождении от национал-социализма и милитаризма» был принят в 1946 году в американской зоне оккупации. На основании «Закона № 104» создавались судебные палаты, принимающие решение о вине нацистов: 1-я категория – главные виновные, 2-я – виновные, 3-я – незначительно виновные, 4-я – попутчики, 5-я – невиновные.

1. Герои легенд

19 июля 201? года. Львов. Улица Медовая. Геріатричний пансіонат (Дом престарелых) 3:40

...Из окопов танки кажутся небольшими, почти нестрашными. Ломаная, неровная цепь железных жуков проявляется из-под прикрытия зелени гая, разворачивается. Далекие, медлительные...

И враз, прыжком приближаются. По ушам бьет грохот двигателей, лязг гусениц, взлетают шлейфы сырой пыли, качаются зрачки башенных орудий. Тусклая краска, белесые знаки и номера, уродливые швы брони. И грохот, грохот бешеных, в четыреста пятьдесят лошадей, двигателей, грохот необрезиненных катков. Рвут траки несчастную украинскую землю...

Не стреляют, еще не видят затаившуюся, замаскировавшуюся роту. Не видят, но чувствуют...

Сверлит уши грохот. Почему молчат противотанковые пушки?! Будет поздно. Уже поздно...

...Еще прыжок – они рядом. Блеск отполированных о сухую землю траков – бешено кружатся, сдирают сочную траву. Дрожь брони и насиленной земли, торжествующий рев разболтанных дизелей. Это плохие танки, с примитивной трансмиссией, капризными фрикционами, полуслепые, стреляющие почти наугад...

Плохие танки, неумелые, наскоро обученные экипажи. Трусливые солдаты, загнанные комиссарской палкой в ненадежную машину. Они всегда побеждают. И если чудо их остановит: врежет в лоб, вышибет люк механика-водителя, пронзит броню борта, заставит танк замереть... тогда из истерзанного гая выйдут новые машины. Их не остановить... Никогда не остановить...

...«Тридцатьчетверка» прыгнула вплотную, заслонила мир. Левое крыло тяжелой машины помято – вздыбилось-оскалилось уродливым клыком, подпрыгивает подвязанное к гусеничной полке бревно, раскачивается кривая петля-удавка наспех закрепленного буксировочного троса. Десанта на броне нет: уже спешился? Или и не было?

Микола не видит стрелков врага, не видит дрожащего поля и сырой земли бруствера, не слышит крика гауптшарфюрера-булавного⁹. Взгляд прикован к «перископной» щели на скошенном лбу танка. Глядит оттуда сквозь свои слепые стекляшки механик, скалит неровные зубы, сжимает рычаги. Раздавит. Нарочно раздавит, клятый москалюга.

Шутце¹⁰ Микола Грабчак, забыв о винтовке и гранатах, приседает на дно траншеи. Пальцы вцепляются в ремень шлема, пытаюсь надвинуть поглубже. Не получается: каска и так глубока, надежная, германской стали, – один нос из-под нее торчит. Дрожит земля, скатываются по стенам укрытия комки подсыхающей земли.

Боже, спаси. Прикрой и сохрани. Жить хочется...

Останавливается сердце от танкового грохота...

Пальцы с трудом вылуцивают из блистера вторую таблетку. Не слушаются пальцы, совсем чужими стали. Всхрапывают соседи по палате – молодые – едва седьмой десяток разменяли – счастливые своими совсем иными июльскими снами-кошмарами.

Застиранный мягкая пижама холодит спину – медленно старческий пот подсыхает. За окном еще темно, чуть слышно шелестят остатки старинного сада. Спит дежурная медсестра, спят ходячие и неходячие, из разума вовсе выжившие и в своем уме оставшиеся. Нянька дрем-

---

⁹ Гауптшарфюрер (булавный) – одно из младших унтер-офицерских званий галицийской дивизии СС. Поскольку геройские дивизионники откликались на эсэсовские звания, но шепотом и за спиной у немецких хозяев именовали себя «стрілецами» и «хорунжими», в тексте встречаются любые варианты.

¹⁰ Рядовой ваффен-СС. Самоназвание рядовых в дивизии «Галиция» – «стрілець».

лет, лишь вечно врущие настенные часы в коридоре звонким затвором щелкают, пули-секунды отмеряя.

Ничего, Микола Грабчак будет покрепче садовых яблонь и дряхлых соседей. Сейчас вот сердце успокоится... Нет у москалей больше танков. А если и осталась рухлядь, то не придут они сюда. Кончилась их сила, не даст мудрая Европа вольную украинскую землю гусеницами утюжить. Победил Грабчак, не зря свою кровь проливал, номер зэка носил, через себя переступал, перед Советами каялся, план на работе перевыполнял. Сколько хлопцев полегло, чтоб той свободы добиться. Ничего, даст Европа с Америкой кредиты, гарнизоны свои расставит – уймутся москалики. Навсегда уймутся.

Сердце стучало ровнее, почти как часы коридорные. Утро уж скоро, из города автомобиль обещали прислать, на торжество отвезти. Ценят. Хотя и тяжело на жаре сидеть, речи слушать, но долг шутце-стрельца на том торжестве быть. Пусть смотрят на ветерана. Пусть гордятся. Единицы их, бойцов «Галичины», героев огненных Бродов в живых осталось.

Форму сиделка погладила. Десять гривен взяла, дупа жирная. Ну, ничего. Пенсию каждый год добавляют. Вот опять надбавки своим ветеранам горсовет принял. Ценят, помнят...

Бывший шутце вернулся из уборной, прилег. Спали соседи. Завидуют, не любят. И пенсии хорошей завидуют, и славе. А ведь и правда мало истинно украинских ветеранов осталось, тех, что на правильной стороне бились. Даже из Франции журналисты приезжали, интервью брали. Хотя и маловато двести евро за такой рассказ, ну, да что уж... Да, все помнил борец за свободу Микола Грабчак, все крепкая память держала.

...Строй с оружием застыл, хор мужественных, пусть и дурно говорящих на немецком языке, голосов:

«Ich schwöre bei Gott diesen heiligen Eid, dass ich im Kampf gegen den Bolschewismus dem Obersten Befehlshaber der deutschen Wehrmacht, Adolf Hitler unbedingten Gehorsam leisten und als tapferer Soldat bereit sein will, jederzeit für diesen Eid mein Leben einzusetzen...»¹¹

Нет, до этого, до присяги, еще мальвы были. Сама хата и лица родительские дымкой времени давно задернулись, а рожины¹² яркие остались. Как вчера цвели.

Был такой поселок – Глибоч. Может, и сейчас есть, да только что толку о том спрашивать? Давно ушел из дома Микола Грабчак, давно иную жизнь выбрал.

Житомирская область, Барановский район. В детские годы – приграничье. Микола, народившийся в 1924-м, ранние самые беспокойные годы Советской власти, понятно, не помнил. Кое о чем батько проговаривался, да и дид¹³ нет-нет, да и вспоминал, как в старину весело жилось. «До клятых Советов»... Та из ветвей Грабчаков, что потолковее да похватче, до революции шорную мастерскую держала. Господами не жили, но верную копейку имели. Не то что нынче в артели на государство горбатиться. А артель-то в той же мастерской и закрепилась. Второй цех построили, думают, забылось, кто хозяин по закону...

Бегал Миколка в поселковую школу, но учили там скучному, да и вообще замучили: всеобуч, семилетка зачем-то, да еще к шестому классу русский язык обязательно изучай. Получал младший Грабчак от родителей по заднице за регулярные «неуды», убегал с хлопцами по садам лазить. Семья небольшая: старший брат в Киев уехал, сестра учиться в Житомир подалась.

---

¹¹ «Я присягаю перед Богом цією святою клятвою, що в боротьбі проти більшовизму буду беззастережно слухатись найвищого воєначальника німецького вермахту Адольфа Гітлера і хочу як відважний солдат посвятити своє життя постійному виконанню цієї клятви.» (Приводится вариант текста присяги и украинский перевод, взятый с официального сайта поклонников 14-й добровольческой гренадерской дивизии СС. Поскольку задокументированного текста присяги не сохранилось, автор полагает, что наследникам галицийских эсэсовцев лучше знать, как именно клялись их кумиры вождю Третьего рейха).

¹² Цветок мальвы (укр.).

¹³ Дід – дед (укр.).

Скучно в Глибоче жилось. Изредка пограничники шпионов дефензивы¹⁴ ловили или контрабандистов гоняли. Но все одно тек через поселок ручеек запретный: сигареты душистые, шарфы да чулки неприличной красоты, прочая галантерея, что в городе с руками рвут, а обратно, на ту сторону, шла «штуками» недорогая, но спросом пользующаяся советская мануфактура. Была выгода, была. О драгоценном марафете¹⁵ говорили лишь шепотом – но деньжищ на том товаре – ахнуть можно... Кое в чем помогал рисковым людям ловкий Миколка, по мелочам, конечно. Здесь гривенник, там рубль – раз заработал, человеком себя чувствуешь. Может, и незаконно, так до вольной Польши считанные версты – а там разворотистых людей уважают. Хоть и пшеки, а Европа, знают, как красиво жить.

Дед шамкал, предсказывал, что вернутся старые порядки. Царя, может, обратно и не посадят, но рассыпятся Советы. Кацапы, они ж ленивы да покорны, это все жидки мир из зависти взбаламутили. Не по-божьи и не по-людски так жить. Уж лучше как в Варшаве – с президентством. Неужто работающая Украина хуже? Вон, рассказывают, в восемнадцатом году тут рядышком, в Житомире, правительство сидело¹⁶. Пусть и недолго. Свалят москалей, и жизнь иначе пойдет, правильнее.

Только брехал дед – не менялось ничего. После школы пошел Микола, как фамильной судьбой прописано – в артель, пока в подсобники, но с прицелом на учетчика, а то и бухгалтера. Таскал вонючие кожи, учился лекала для раскроя делать. Так всю жизнь и проведешь – в цеху скучном...

В 39-м и вправду сдвинулось все разом. Только в иную сторону. Микола с двоюродными братьями ходил смотреть, как движутся к границе войска. Много Красной Армии двинулось. Большая сила: кавалерия, трехдьюмовки батарея за батареей катили...

Отодвинулась граница, приработка не стало – откуда ночью тайные мешки возьмутся, если кордон теперь аж за Львовом? Ну и що в том «освободительном походе» корысти? Нету грошей, только зарплата и осталась. Разве то жизнь для умного да толкового хлопца? Одна радость, что на лицо гладок, улыбочив – девки заглядывались.

– Война на том не кончится, – утверждал двоюродный брат, легковерный и рябой Петро. – Буржуазность и фашизм не дремлют.

– Нам-то что? – хмыкал Микола, без спешки подтачивая на наждачном камне резцовый нож. – Вот в армию призовут, так и попадем под самую раздачу. С финнами управились, так на них мир не кончается. Слыхал, какие у германца пушки? Снаряды ихние «чемоданами» называют.

– То давно было, – возражал упрямый Петро. – Сейчас у нас пушки передовые...

Про «чемоданы» в то воскресенье радио промолчало. Петро на танцы в клуб собирался, мамка загодя рубаху и штаны выгладила. Тут сосед с улицы кричит: опять война какая-то.

Танцы отменили, артель в цеху собралась – у шорников продукция «стратегическая», нужно срочно план давать. «Час нелегкий, родной Красной Армии треба...»

А мальвы пыльными стояли – дождя в Глибоче давно не было.

...Как оказались с телегами посреди тракта, Микола помнил смутно. Совсем одурел район в те дни. Сначала говорили, что Житомир и Киев германец вообще вкрай, до последнего кирпича, разбомбил и уже десантом с аэропланов высаживается. Потом сказали, что Советы контрударом двинули и немец мира запросил. Потом оказалось, что нимало непобедимая Красная Армия к старой границе откатывается и как раз здесь бой принимать планирует. Нет, сильно невзлюбил Микола Грабчак в те две недели Советскую власть – слаба оказалась. На горло брала, а как до дела дошло... И главное, никакого передыху не давала: работай,

¹⁴ Дефензива – в данном случае широко бытовавшее, но не совсем корректное название польской разведки.

¹⁵ Марафет – кокаин.

¹⁶ В 1918 году в Житомире временно располагалось беглое правительство УНР (Украинской Народной Республики).

грузи, таскай, вывози... Если человек армейскому призыву по возрасту не подлежит, значит, его нужно трудом без отдыха мордовать и гробить?

...Стояли отупевшие сопровождающие у своих телег посреди большака. Продукцию в очередной раз повезли сдавать, но на полпути к городу враз опустевшая дорога напугала. Ни потока эвакуированных, ни красноармейцев. Поля, брошенная сломанная повозка – ничего интересного в ней нет – дядьку Потап уже проверил.

Сам дядьку – старший в группе сопровождающих товар – сидел на телеге и вдумчиво раскуривал сигарку.

– Так что делать будем? – растерянно спросил Петро.

Микола молчал, гадал: если попросить городского курева, раздобьется дядьку или нет? Куркуль еще тот. Ладно, пусть команду даст, потом и просить будет удобнее.

Молчал дядьку Потап. Звенел над полем жаворонок, дальше к горизонту, где-то над городом, жужжали самолеты. Стрельба, что с час назад растахтелась за Товшей, стихла.

– Повертаться будем, – делая последнюю, уже подсмаливающую усы затяжку, решил дядьку Потап. – Видно, нет начальства в городе. Ежели, как говорят, из Житомира партактив утикал, то уж здесь-то... Опять же стрельба под боком.

– Да как повертаться?! – испугался Петро. – Накладная же. Упряжь первого сорта, ее ж прямо в армию...

Дядьку Потап покосился на тюки хорошо увязанной продукции.

– Так то хорошо, що первого сорта. Раз большевики до Киева подались, стало быть, власть отменяется. Видали мы такое. Сначала до Киева, потом уж и до Московии своей повтикают...

– Ты шо говоришь?! – возмутился дурной Петро. – Думаешь, Советская власть уже кончилась? А вот как возьмут тебя за шиворот...

– Ты, что ли, возьмешь? Возмилка еще не отросла. Богато я всяких властей повидал, встречались и пострашней рожей.

Рябой Петро покраснел.

– Вот и молчи, – дядьку Потап взялся за вожжи. – Пропадет добро, кому отвечать? То-то... Да и выработку сверх плана нам кто оплатит? Германец? Раз совдепия кончилась, сами реализуем. Мы трудились, имеем полное право...

Подводы развернули, до дому двинулись, но далеко уйти не успели – навстречу, из тени реденького леска, шли люди.

– То армейские, – пробормотал дядьку Потап. – От британских морей их завернули, непоборимых. В сторонку, хлопцы, бери...

Брели толпой по большаку красноармейцы, пыльные, от усталости равнодушно-бесчувственные, кто в бинтах, кто просто обдертый. Головным боец шагал: пулемет со «сковородкой» поперек груди, руки тяжелое оружие то ли придерживают, то ли об него опираются. Взгляд из-под каски пустой, страшный – сквозь подводы, сквозь зыбкий от жара полуденный воздух – словно в смерть человек смотрит. Красноармейцев было немного: с полусотню. Волокли пулемет на колесиках, раненых на шинелях...

Лошади шагали медленно, подводы катили по самой обочине. Почти разминулись. Глянул старшина в пропыленной насквозь фуражке – дядьку Потап ссутулился еще больше – вовсе старый дид, немощный.

– Куда едете?

Эх, почти прошли мимо, почти обошлось. Но окликнули: голос у старшины резок, скрипуч, насквозь москальский.

– Так в цех, продукцию сдавать, – дядьку Потап, вытер изнанкой кепки потное лицо. – Накладные у нас. Строго...

– Поворачивай, – приказал старшина.

– Указанье у меня.

– Заворачивай. Немцы там.

Тюки свалили на обочину. Сажали раненых. Лысоватый военный, без гимнастерки, с обмотанной рыжими бинтами грудью, всхрипывал, словно сказать что-то хотел, да не мог.

– Бумагу, бумагу какую дайте, – дядьку Потап суетливо помогал укладывать ноги умирающего.

– Вернемся – напишем, – безразлично пообещал старшина.

– Так с меня же за тех коничков...

– Война, – исчерпывающе объяснил узколицый старшина.

Смотрели ограбленные возчики вслед уходящей армии. Микола кривился – разве то по справедливости? Обидранцы бродячие, ни командиров, ни строя. Вот она, москалья порода.

Дядьку Потап утер усы.

– Обошлось. Могли и мобилизовать заодно с конями.

– Я б и сам пошел, – пробубнил Петро.

– Та иди, – усмехнулся мудрый дядько. – Штаны подтяни, да поспешай. Догонишь партийных – руку потискают. Повезет, так ружье старое дадут и звезду на картуз. Успеешь по немцам пальнуть, за жидка какого великое геройство проявишь.

– Я не за евреев. За Родину!

– Дурной ты, хлопец. Там за Советы москальско-жидовские война идет. А наша земляка здесь, – дядьку Потап повел широко растопыренными пальцами над полем, указывая на жайворины¹⁷ трели и жарко-голубое летнее небо.

– Малая у тебя батькивщина, – насупленно буркнул Петро. – У меня побольше будет.

– Иди-иди, подставляй свою макитру¹⁸ за ту Сибирю. Отблагодарят.

Петро вдруг подхватил отцовскую тужурку, что у ног лежала, и зашагал вслед красноармейцам.

– Ты що?! Куда? – изумленно окликнул двоюродного брата Микола.

Дурень не оглянулся, лишь отмахнулся заношенной тужуркой.

– Сгинет, – пробормотал Микола. – Шо я тетке Ганне скажу?

– Та Ганна и сама невеликого ума. Переживет. Ушел и ушел. Германец покрепче всыплет, вернется дурник рябой, – дядьку Потап усмехнулся. – Вот же дурень. Было б за кого ноги топтать.

– Совсем дурень, – согласился Микола.

О родиче только к вечеру вспомнил: пока тюки в роще прятали, пока до Глибоча доплелись – употели до крайности.

Сбрую дядьку Потап потом почти год по малостям распродал – осторожничал. С выручкой, понятно, обжуливал, да Миколу уже наплевать было на ту мелочовку. Служил, добрые гроши завелись...

Немцы в Глибч заглянули, должно быть, через неделю. А через две недели Микола Грабчак поступил служить в полицию. Само как-то вышло: батько сказал, что тому, кто к новой власти раньше придет, тому и веры будет больше. Да и записывались в полицию люди всё знакомые, рассудительные. То, что зеленеват Микола, не помешало – отец поговорил с кем надо, приписали лишку полгода.

Охранная команда шуцманов Глибоча... Хорошая служба была. Пусть утомительная, но спокойная. Ходил Грабчак с трехлинейкой и белой повязкой на рукаве, десяток патронов бречал в кармане. Порядок поддерживали, как приказано. Немцы особо не вмешивались. Магарыч и гроши от торговцев, пусть по-скромному, зато каждый день. Микола сам не пил – свою долю, как дед советовал, во флягу сливал, потом мать на рынке продавала. Сослуживцы посмеива-

---

¹⁷ Жайворонок (укр.) – жаворонок.

¹⁸ Макитра – здесь: башка, голова.

лись, но не злобствовали – хозяйственность, она всегда уважаема. Дважды окруженцев подловили, по тупоумности на базар сунувшихся, норовивших вещички на харч выменять. Да и иных подозрительных типов арестовывали: время-то беспокойное. В «штаб» отводили, там начальник поселковой охраны тряс-допрашивал сомнительный элемент. Кого отпускали, кого... Что и говорить, время военное. Начальство Миколу Грабчака, пусть рядового и молодого, не обделяло – в штабу отцов кум сидел, приглядывал. Деньжата, сапоги, ох, и хорошие достались – определенно партийные – сносу им не было.

В ноябре украинскую полицию разогнали. «Шума» организовывался¹⁹. В те дни Микола и задумался – так ли уж умна немецкая власть? Понятно, Гитлер великий вождь всей Европы и кому с ним равняться, но дела-то на фронте похуже пошли. Забуксовали немцы. Им бы доверять истинным украинцам – уж кто горше от большевизма натерпелся, кто насмерть с комиссарами и жидами за самостоятельность бился? Так нет, контролировать придумали, на каждый шаг гавкать.

Впрочем, раздумывать было некогда – за службу всерьез взялись. Занятия, лекции, строевая подготовка, даже на стрельбище дважды водили. Стрелял Микола так себе – винтовка дурная, расхряпанная. Дали бы немецкую, тогда бы...

Нового оружия немцы не выдали, зато обмундированием одарили. Мать галифе и китель подогнала – орлом ходил молодой Грабчак. Обещали старшим наряда назначить – дело выгодное, у старшего и доля побольше. Пусть и начальствовал теперь немец, но на базаре полицейские сами себе командовали. Как ни крути, а старший патруля – царь и бог. Гроши в руки сами так и шли.

Одно было плохо: народ нагнел. Как немцы под Москвой затоптались, так и начались брожения и саботажество. Гаражи спалили неизвестные злоумышленники, на дорогу доски с гвоздями подбрасывали. В районной глуши шайки партизан объявились. Полицию начали по тревоге поднимать. Оцепления, холод, снег, иной раз и стрельба случалась. Ездили и на «чистку» в Жаборицкое гетто. Добираться долго, да и барыша никакого – всю контрибуцию подчистую сами немцы выбирали. Нет, барахло кое-какое, конечно, в Глибоч привезли: швейную машинку, одеяла добротные, сервизик... Но из золота лишь два колечка и досталось. Да и то одно такое дрянное, что Верке подарил, не пожалел.

Девки ясноглазому да молодому Грабчаку не отказывали. Чего ж ломаться: рослый, в форме, на лицо приятен. А если какая красуня кривляться думала, так уже умел Микола прижать дуру крепкой рукой, втолковать, что власть нужно уважать.

Кончилась хорошая жизнь, когда в шуцбатальон²⁰ перевели. Отвертеться не удалось, хоть отец с кумом и дали «на лапу», все одно ехать пришлось. Казарма, строевая, немцы оружие... Облавы, облавы, снова облавы... В Старый Яр подозрительный элемент конвоировали, но в самих ликвидациих Микола не участвовал – там своя команда имелась с добротным жалованьем...

Летом, казалось, война вот-вот кончится. Немцы уже где-то на Кавказе воевали, к Уралу подходили, но вновь затянулась кампания...

А к зиме партизаны вовсе озверели. Банды в лесах так и шныряли, крупные, с кавалерией, пушками...

...Снег липкий, ноги вязли, бежать трудно. От хлопцев пар валил, как от лошадей. В орешнике вновь хлопнул выстрел...

---

¹⁹ «Шума» – местная вспомогательная полиция, получила название «шуц-маншафт», или «шума» (Schutzmannschaft, Schuma). Подразделялась на несколько структур, в данном случае речь идет о «шуцманшафт» индивидуальной службы (района) (Schutzmannschaft-einzeldienst).

²⁰ Шуцбатальоны – «закрытые части шума» (Schutzmannschaft-bataillonen, или Geschlossenen Einheiten der Schutzmannschaft), территориальные охранные части из местных добровольцев под немецким командованием. Основу батальона составляли три стрелковые роты с легким оружием.

– Вот паразит. Хорошо, что криворукий, – выругался Красницкий.

Шуцманы, развернувшись короткой цепочкой, осторожно пробирались через кустарник. Следы бандитов виднелись отчетливо – цепочка тех, что пошире, забирала влево. Другие следы тянулись сплошной бороздой – шел бандит тяжело.

– Подбили мы сучонка, – с удовлетворением крикнул Красницкий, заметивший розовые пятна.

Партизан пытались взять еще в селе – наводка была точной, но бандитские связные успели выскочить из хаты. На выгоне по беглецам палили, как в тире, но разве из винтовки возьмешь? Был бы пулемет... Теперь вот в лес придется лезть, рискуя напороться...

Микола уже чувствовал себя мишенью: зеленовато-светлого хаки польская шинель (не греет, зараза), черные брюки и кепи – на снегу вроде подпаленной вороны скачешь. Всадит партизан пулю...

Выстрел... Полицейские попадали, Грабчак тоже поспешно зарылся в ненадежную белую защиту. Брюки миглом промокли, в голенищах таял снег. Микола передергивал затвор, стрелял в подозрительные сугробы. Где гаспид²¹?

– Стой, стой, хлопцы, попусту не палите, – закричал Юрко. – Вон он, видползает!

Красницкий тщательно прицелился...

Сразу подходить к дважды раненному партизану не рискнули – сначала Юрко кинул гранату. Взрывом сшибло с высоких кустов снег. Отряхиваясь, подошли.

– Еще жив, мерзотник, – удивился Красницкий.

Валялась в снегу винтовка с открытым затвором, торчали клочья красной ваты из обильно посеченной осколками спины – партизан все еще слабо шевелил ногой, словно опору нащупывал.

– Вставай, жидок, вставай, – приказал Красницкий. – Кончим как человека.

Юрко ногой подцепил тело, поднатужился, перевернул и принялся обтирать испачкавшийся сапог о снег.

– Шо, отбегался, злочинец? – Красницкий смотрел в лицо раненому.

Бандит размазал кровь у рта – кисть дрожала от боли – и ответил хриплым матом. Никакой, понятно, не еврей и не комиссар – по роже и словам тутощний, небось, родом из этой Яновки и будет.

– Кончай его, Грабчак, – озираясь, приказал Красницкий, – не ровен час, набегут дружки краснопузые.

Микола поднял винтовку – бандит глянул в ствол, потом поверх. На подбородке висела слюна кровавая, но лицо спокойное, пустое. Нагляделся на такие лица Микола, потому сразу на спуск нажал...

Потом волокли убитого обратно к селу. Красницкий как старший шагал налегке, Юрко тоже разом о «простреле» в поясище вспомнил и лишь трофейную винтовку нес.

Микола крепче хватался за ворот засаленного бандитского ватника – тянулась за мертвецом глубокая борозда, и снег все подлипал, саботажил...

На том заснеженном выгоне пришла Грабчаку мысль, что все это надолго, а то, не дай бог, и вовсе навсегда...

Снова перевели Миколу – в Житомире было легче – 110-й батальон из города на операции не выходил. Но все равно чуть не убило.

– ...В молчанку играть будешь? – следователь²² и сам баловался пистолетом, презрительно оттопыривал губу, нависая над девкой. Та плакала, сжавшись на табурете, закрывала

---

²¹ Гад (укр.).

²² Представители СД, гестапо и криминальной полиции составляли единую службу под названием «полиция безопасности и СД» (Sicherheitspolizei und SD) и из-за нехватки кадров задействовали в операциях охранную полицию.

ладонями лицо. Правильно закрывала – с такой мышинной мордой, да этакую худосочную, и на кровать запрокидывать никому неохота.

Микола стоял у двери, на всякий случай прикрывая прикладом оттопыривающийся карман – дом обыскали наскоро, жили здесь сушие торбешники²³, кроме баночки малинового варенья, ничего и не подвернулось. Зато на пачку припрятанных листовок сразу наткнулись, да лично Грабчаку-то что в них толку? Это следователь отрапортует, что еще одно подпольное большевистское гнездо ликвидировано, немцы ему великий «гут» и скажут.

В большой комнате плакала мать дуры-девки, хрустели черепки посуды да стекляшки сбитых со стены фото – полицейские топтались, со скуки второй раз шкаф потрошили.

– ...Ты скажи, кто подучил? – напирал гестаповец. – Не своим ты умишком домиркуволася ту брехню распространять, ох, не своим. Переписывала вранье, не ленилась. «Сталинград наш, Красная Армия скоро придет. Не верьте фашистским сволочам». Да знаешь ли ты, дурья башка, что тот Сталинград давно уж под немцем? Окружили там целую армию москалей и мордвы, теперь не знают, куда гнать полоненных...

Девка тупо всхлипывала. Следователь и сам был из кацапов, потому вворачиваемые им украинские словечки звучали смешно и неубедительно. «Домиркуволася» – вот чудик гнилозубый. А еще из интеллигенции.

– Ты скажи, кто заставил. Жалко ж тебя, дурочку, – следователь сердито мигнул Миколу.

Грабчак постарался рявкнуть грубее, как учили на курсах по допросу:

– Да що с ней говорить, пан следователь? Отдать шкуру комсомольскую в подвал, там Стецко из нее клещами правду мигом вытянет. Ноготочек за ноготочком повыдерет, потом на «козла» посадит...

– Жалко. Молодая ведь совсем, – вздохнул добрый следователь. – Пан Стецко привык девушек изнутри рвать, замучает, что ту муху.

Девка всхлипнула чуть громче.

– Чего ты там? Ясней говори. Да не бойся, в подвале дней десять посидишь, потом выпустим, – подбодрил следователь.

– Я напишу, – прохлюпала девка.

Микола сдержал вздох – это сколько ж здесь еще торчать? Может, в погреб слазить, соленых огурцов к ужину набрать? Вроде добрые огурцы. Ведро там имелось...

– Пиши, – оживился следователь. – Адреса, фамилии, кто агитировал, откуда сводку взяли. Сейчас бумагу и карандаш дам...

– У меня своя есть. Только я не все адреса знаю... – девка тяжело поднялась с табурета, шагнула к этажерке. Видимо, машинально подняла сброшенную на пол кружевную салфеточку, зачем-то отодвинула от стены хлипенькую этажерку, сунула в щель руку...

Микола, занятый мыслями о ведре и огурцах, сразу не сообразил. Зато следователь, взвизгнув, кинулся к девке – та уже держала в руке РГД – граната была давешняя, на рубчатой оборонительной «рубашке» краска подблезла.

– Отдай, сучка! – следователь пытался вырвать или выбить гранату, девка, еще больше ссутулившись, вывертывалась. РГД в ее руках казалась огромной, полудетские бледные пальцы неумело пытались сдвинуть чеку-предохранитель...

– Да стрельни в её! – опомнившись, заорал Микола и попятился в дверь спальни.

Растерявшийся следователь попробовал вскинуть пистолет к голове девки, та с ловкостью собачонки цапнула мелкими зубами за кисть, сжимающую «браунинг», – гестаповец, ахнув, отдернулся...

Ох, спаси и сохрани! Граната старая, может, и не взорвется?!

---

²³ Нищие (укр.).

...Дальнейшее Микола не видел – упал за дверью под стену, пополз прочь от спальни. Внутри бахнул пистолетный выстрел, заорал кинувшийся к двери следователь... Гроыхнуло...

...Когда начала оседать пыль, закричала хозяйка дома. Ее уж и прикладами, и сапогами затыкали – все одно выла истошно...

Неприятностей тогда Микола нагреб – едва унес. Командир батальона чуть зубы не выбил, и, главное, за що? Вовсе не Грабчак ту комнату обыскивал, и откуда ему про гранату знать? Следователь недосмотрел, так его и убило. При чем тут Грабчак? И сам ведь истинным чудом уцелел, да еще все пальцы изрезал, когда осколки разбитой банки из кармана выгребал. Загубил шинель, конечно.

Лицо безумной девки осколки гранаты пощадил – ниже всё расковыряло, а рожа конопатая целехонька. Сидела мертвая девка у стены, глаза открыты, смотрят... И та богопротивная пустота в них, словно видит мертвячка что-то... Вспоминалось потом, шоб ей... И пулеметчик тот, что давным-давно на восток шагал, и девка дурная, и другие... Всем неверующим, самогубцам и жидам в рай дороги нету – то Микола знал давно и твердо. Так на що они смотреть могут?

Понизили, перевели в охранную роту. Пути у Сортировочной охраняли. Мерзнешь каждый день и прибыли никакой...

Потом Микола догадался, что ему повезло. Поспокойнее здесь, у станции, было. А подальше от города Житомира, ох, как партизаны активничали. Считай, в каждом районе по отряду, а уж севернее... Чуть ли не бандитские дивизии в лесах орудовали, болтали, что из Москвы им даже танкетки на парашютах сбрасывают.

К Рождеству навестил отец, привез гостинцев, корил, что родителей сын вовсе забыл, не шлет домой ничего. Микола отговаривался строгой службой – о том, что из вагонов «утряска» по удобному случаю организовывается, упоминать не стал. Зачем родителям гроши? Все одно старые, свое отжили...

К весне немцы что-то заподозрили – на допросы вызывать стали. Вроде что такого – эшелоны так и прут, ну, на ящик или коробку поменьше доедет, – велика ли разница? Что за крохоборская нация? Готовы расстрелять за консервы паршивые.

Поразмыслив, Грабчак написал два рапорта, изъявив желание уйти в «боевое подразделение на перший край боротьбы с большевизмом».

После месячных курсов попал в другой батальон, отправили в сельский гарнизон, но спокойный. Подразделение числилось серьезным, в резерве держащимся. Среди прочих и хлопцы из расформированного 201-го шуцманшафт батальона²⁴ служили. Ох, и повидавшие жизнь люди, знающие, политически подкованные. Присмотрелись, в свой гурт²⁵ допустили. Микола, как самый молодой, понятно, при постоянной заботе оказался: сбегай, подай, принеси. Пили, конечно, много. В селе по всем хатам подряд шли: выставляй «четверть» с закусью, небось, не москалей или германцев угощаешь, своих защитников кормишь. Село было большое, сознательное. Лишь пара хат сгорела невзначай – так за глупость и жадобу бог дурных людей непременно накажет.

На облавы и в засады ходили редко: гарнизон сильный, но это пока в крепких дзотах сидит. Просто уймища партизан расплодилось: считай, в полной осаде батальон сидел. Но имелись в лесах и свои люди: то на поляков наведут, то о маршруте краснопузых бандитов предупредят. С немцами можно разную политику вести, но кацапа или ляха стрельнуть – то на великую пользу неньке-Украине.

---

²⁴ 201-й батальон охранной полиции (нем. Schutzmannschaft Bataillon 201) сформирован из легионеров специальных подразделений «Нахтигаль» и «Роланд», созданных абвером в начале 1941 года. Костяк батальона составляли сторонники и члены ОУН (б). В 1942 году батальон действовал на территории Белоруссии, был расформирован в начале 1943 года.

²⁵ Круг, компания (укр.).

– Очистим землю, – говорил улыбчивый морщинистый Евгений Бобель.

Бобелю можно было верить – он еще у Петлюры воевал в героической армии УНР, потом полякам послужить довелось. Железный человек. Врагов казнил револьверным шомполом – вставит в ухо, ладонью легонько по кольцу пристукнет – только дернется враг, даже не осознав, что смерть пришла. Да, привычка к войне нужна, точный навык и боевой опыт.

Рассказывали батальонцы, как и где служили, как у немцев диверсиям обучались, как Львов в 41-м от жидовской и большевистской скверны чистили. Да, нужна Украине своя армия. Свое государство, вовсе независимое. Заслужили, сполна историей своей тяжелой, кровью обильно пролитой заслужили.

– То, что немцы с москалями на фронте друг друга истребляют – то нам только на пользу, – говорил, разливая по стаканам крепкий подкрашенный самогон, опытный Гонзюк. – Нехай. Придет и наше время. Немцы управиться с жидами помогли, москалей сильно обескровили. Теперь их черед пришелдохнуть. Пусть война дольше идет, пусть молодые хлопцы учатся пулеметом владеть. За такими, как Микола, будущее. Признает Европа и Англия вольну и независимую Украину, если мы силу покажем, армию создадим. Опять же панов-поляков надобно под корень вывести...

Микола кивал, вливал в себя самогон, печеным яичком закусывал. Но на сердце кошки скребли – на фронте Советы напирали, и попробуй с ними без Гитлера, без танков и бомберов германских, справиться. Многих умных и дальновидных людей обстановка беспокоила: приходили и из леса бандеровцы, выменивали патроны и оружие, наведывались мельниковцы, за взрывчатку договаривались, о политике разговаривали, спорили. Мечтали за свободу Украины, гадали, что дальше делать, как заодно с нежданно надорвавшимся Рейхом ко дну не пойти. По всему выходило, что пока умнее будет Германии помогать – Советы сейчас опаснее. Вот как до капли истощат друг друга угнетатели западные и восточные, тогда и возродится единая Украина от Балтики до Урала. Но нельзя дать Советам прочухаться, дух перевести.

Сложная была обстановка, тревожная. И когда прошел слух, что в Галицийскую дивизию СС пополнение требуется, снарядили туда часть верных бойцов. И Миколу. Не очень-то спрашивая, снарядили, о чем шутце Грабчак под Бродами сильно пожалел.

...Так и не заснуть. Светлело за окном. Памятный день. И семьдесят лет назад не спал Грабчак в такое утро, сидел в окопе. Нет, связным же был – унтерштурмфюрер-хорунжий, командир взвода, Миколу тогда в село посылал. В траншею уже позже загнали. Ну, то детали, мало кому нужные...

...Снова лязг призрачный в ушах. Дрянные, грубые, истинно зверячи, те «тридцатьчетверки» – верно в газетах пишут и по телевизору рассказывают. Но когда та негодная броня траншею уютит, об ином думаешь. Да что там думаешь, обсираешься, да и все...

Смотрел в темный потолок отставной стрелец Грабчак. В голову лезло ненужное, из того, что юным хлопцам в вышиванках и камуфляжных штанах не расскажешь. Да, герои легенд в тех траншеях навсегда сидеть остались, те борцы, что до последней гранаты большевистские танки жгли. Пусть так и будет. Все равно проверить некому – один Микола Грабчак остался. Один. С храпом соседей по палате, с повышенной пенсией и старческими немощами, с двумя юбилейными медалями и уважением понимающих земляков. «Слава Украине, героям слава!» – это ему кричать будут. Заслужил.

...Опять отчего-то мальвы вспомнились. После лагеря не рискнул Микола в родной Глибоч вернуться. Да ну его к бесу – могли и кости переломать – ветеранов, что по иную сторону фронта, по совковую, воевали, в поселке хватало. Родители все едино, наверное, к 54-му уже померли. Не осталось Грабчаков на свете...

Ошибался шутце-герой. Очень далеко, так что даже объяснить трудно, сидел на лавке другой Грабчак, на воду смотрел. Уж рассвело, над озером туман развеялся. Почесывал лысину Петро Грабчак, пытался сосчитать – какое ж число по самому старому стилю? Без хорошего

календаря запутаться легче легкого, но по всему выходило, что до юбилея три дня осталось. Про последний свой «тамошний» бой старик частенько рассказывал. Теперь уж праправнукам. Эх, бежит время, уж и самому то давнее и далекое странной сказкой кажется. Но слушают, рты пооткрыв. Правда, объяснить, что «Львов» – это город, а не боевая машина, трудновато. «Пантеры», «тигры», «львы»... Э, да що там говорить, любой в этаким немислимом зоопарке запутается. Немного довелось тогда повоевать Петро Грабчаку, иная военная судьба ему выпала, мучительная. Но пусть и недолго, но честно воевал. Чего ж перед потомками скрывать? Дата, пусть и не очень точная, семейным праздником стала. Съедутся гости, отметим сообща...

Младшее колено потомков оказалось легко на помине: стайка высыпала из ворот усадьбы, с визгом и писком скатилась по склону, расшвыряв рубашонки, с разбегу врезалась в воду. Взыли еще звонче – вода Глибоч-заводи утрами по-горному студена. Ну, ничего, как кое-кто говорит – «гвардия без закалки вообще не гвардия».

2. Сводная группа

19 июля 201? года. Москва. Расположение Отдела «К». Младший сержант Земляков. 17:10

До пищеблока Женька доплелся на автопилоте. Виски ломило, под теменем гудела мало-приятная, этакая чугунная пустота. Того и гляди, череп треснет. Вот что это за профессия – переводчик? Берешь чужие мысли, пропускаешь через свои и опять превращаешь в чужие мысли, доступные людям, привыкшим думать на одном-единственном языке. Вредная профессия, за вредность пиво давать нужно, а лучше водку. Ну или молоко, хотя бы.

Молока не было – пуст холодильник, если не считать чьих-то домашних котлет, забытых еще с добелорусских времен. Выбросить бы надо.

Изнуренный младший сержант срочной службы Земляков включил чайник и плюхнулся на стул. Пищеблок был пуст, в коридоре расчетчики спорили о векторных допусках, и от этого в толмаческой башке опять загудело. Женька оперся локтями о стол и обхватил ладонями голову. Сразу стало полегче. И на стол с порядком затертой пластиковой скатертью смотреть приятно – никаких тебе строк, сокращений, и вообще натуральные рыжие узоры, а не мониторное сияние.

Последние три дня прошли в попытках подселения переводческой души в загадочную личность штурмбаннфюрера Карла Визе. Нет, нельзя было сказать, что Визе, чтоб его *arsch*²⁶ на *Panzerfaust* надело, оказался такой уж полностью демонической персоной. Медицинский факультет университета Людвиг-Максимилиана²⁷, практика в диагностической клинике, в 1932 году вступил в НСДАП²⁸, с 1936 года в СС, направлен в IKL²⁹, служил в Ораниенбурге. Смутность начиналась позже, в 1939 году. Был переведен в аппарат Равенсбрюк³⁰, но в работах группы Зоннтага³¹ числился в длительной командировке, сослуживцы его фамилии не упоминали и, похоже, вообще не подозревали о его существовании. Тем не менее доктор Визе аккуратно получал жалование (уцелевших ведомостей с замысловатым автографом сохранилось с лихвой), регулярно приезжал домой в отпуск и столь же регулярно отбывал назад, к месту таинственной службы. Здесь ясности не имелось. Косвенно фигурировали Данциг и Кёнигсберг. Судя по всему, служба шла размеренно – два сохранившихся письма были спокойными. В июне 42-го скромный, но работающий врач получает звание гауптштурмфюрера. Но в марте 43-го что-то случилось – Визе пропал на три месяца. Никаких документов и свидетельств за этот период не сохранилось, кроме воспоминаний некоей фрау Шimmel, подруги жены доктора. Из стенограммы, присланной немецкими коллегами, было件нятно, что на тот момент фрау Визе была уверена, что муж погиб. «... Рыдая, повторяла, что дикари наверняка бросили тело в песках, даже не похоронив. Негры чудовищно бесчувственные животные, и бедный Карл там остался лежать под палящим солнцем...» Откуда нервная Визе взяла негров, было абсолютно непонятно, поскольку гауптштурмфюрер объявился в Ростове и ни о чем особо экзотическом не упоминал. Сентиментальное письмо было заучено пытливым сержантом Земляковым практически наизусть – единственный темный намек расшифровать так и не удалось. Впрочем, целый сектор АЧА тоже не смог дать однозначного ответа. Возможно, блудный Визе всего лишь вспоминал какую-то личную интимную историю. Позже письма шли регулярно.

---

²⁶ Задница, жопа (*нем.*).

²⁷ Мюнхенский университет, назван в честь основателя герцога Баварско-Ландсхутского Людовика IX.

²⁸ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

²⁹ IKL (*Inspektion der Konzentrationslager*) – Инспекция концентрационных лагерей – центральное ведомство СС, управлявшее системой концентрационных лагерей Третьего рейха.

³⁰ Равенсбрюк – концентрационный лагерь, располагавшийся на северо-востоке Германии, в 90 км к северу от Берлина.

³¹ Гауптштурмфюрер СС Вальтер Зоннтаг в 1940–1943 гг. руководил группой врачей СС, проводивших медицинские эксперименты над заключенными.

Даже получив легкую контузию во время налета союзников (справка госпиталя изучена и перепроверена), гауптштурмфюрер продолжает исполнять свой долг и служить рейху и фюреру. Мелькнул в Пиллау, присылал янтарь. Истинный ариец, примерный семьянин, предан, благонадежен, трудолюбив. И эта гадина постоянно переписывалась с двумя профессорами из Мюнхена. Письма шли не почтой, доставлялись с оказией общими знакомыми. Уцелело четыре послания, и «малявы» тоньше шести листов среди них не было. Визе весьма интересовала тема нарушения трофики³². Охренеть можно, сплошные *der Muskelfasern*³³ и *Salz-Inhalt*³⁴ – отнюдь не профиль тов. Землякова, да и библейскими иносказаниями доктор баловался. Очень интересные исследования и идеи, да. Материала хватало. «Результат нельзя назвать обнадеживающим, но сейчас я ужесточил отбор объектов для эксперимента и...» Объектов, не крыс или кроликов. И косвенные следы: «Белжец», Собибор³⁵ и Львов. Визе (уже штурмбаннфюрер) курсировал в этом треугольнике, пока не сгинул. Почему он задержался во Львове, так рискуя? Имелись правдоподобные версии, но не имелось доказательств. В последний раз Визе видел живым некто Фессман – обер-лейтенант вермахта, 101-я горная дивизия, знаком с доктором еще по довоенным временам. «Я едва узнал Карла, он был в форме саперного лейтенанта, осунувшийся, возбужденный. В город уже проникли партизаны, с чердаков по нам стреляли. Визе искал транспорт, с его машинами что-то случилось. Я предложил ему поговорить с нашим полковником, он поспешил к церкви, где стоял штабной бронетранспортер. Больше я его не видел. В пригороде мы наскочили на русские танки, от батальонной колонны мало что осталось...»

Батальонная колонна этого Фессмана столкнулась с советскими танками не совсем в пригороде, а где-то у Ставчан, но это к делу отношения не имело.

Младший сержант Земляков дотянулся до пластиковой миски-вазы и с глубокой печалью, но без особого удивления обозрел крошки, оставшиеся от «Цитрусовых». Вот же жрут товарищи по оружию – утром три пачки было.

В дверь заглянул лейтенант-расчетчик:

– Что там с водой в кулере? Есть?

– Есть. Вафли и печенье того... приговорили.

– Сейчас изыщем что-нибудь, – лейтенант поправил модные очки, оглядел переводчика. – Что-то ты кислый. Замудохали бумагами?

– Вообще жопа какая-то, – пробурчал Земляков.

– Рассосется к выходу. Дух переведи, чайку шархни...

Лейтенант отправился скрестить по сусекам, а Женька купал в кружке чайный пакетик и думал о том, что действительно должно «рассосаться». Полностью вскрыть анкету гадского доктора никак не получится. Имеет смысл побыстрее найти этого Визе живьем и спросить в неофициальной обстановке: что ты, урод, с людьми творил и какими целями руководствовался? И главное, какая связь у медика с проклятой Норфкисиск, которой теоретически нигде нет, но практически она везде есть?

Дверь на миг приоткрылась, и в пищеблоке появилась Ирина Кирилловна: строгая, в безупречном комбинезоне, волнующе перетянутая ремнем с маленькой, щегольски сдвинутой на левую сторону, «по-иностранным», кобурой. Женька, подперев кулаком щеку, полюбовался на рыжее чудо, по немыслимому стечению обстоятельств считавшееся невестой и без пяти минут женой младшего сержанта Землякова, абсолютно недостойного столь щедрого подарка судьбы.

– Спасать пришла? Надо же, какие у нас чуткие расчетчики.

³² Изменения биохимических процессов в тканях неврогенного характера.

³³ Мышечные волокна (нем.).

³⁴ Солевое содержание (нем.).

³⁵ «Белжец», «Собибор» – лагеря смерти на юго-востоке Люблинского воеводства в Польше.

– Вот еще. Я и так уже шла, да никак не могла из хохлов факс выжать.

– Ты, товарищ Уварова, так не говори больше. Нехорошо. Сопредельные товарищи по оружию на некорректное название «хохлы» могут обидеться.

– Как есть, так и говорю. Вчера у них на связи сидел нормальный боец-украинец – и всё мгновенно летало. А сегодня хохол заступил и тупит. Наверняка умышленно, из майдаунистых саботажников, хорёк упертый.

Земляков не спорил – прохладные ладошки суровой оперативницы второй категории легли на переводческую голову, мягко сжали виски, и это было так приятно, что...

– Ты почему на обед не ходил? – прошептала Иришка.

– Не хочется. Перед самолетом вообще вредно наедаться.

– Сколько еще до того самолета... И вообще я нервничать начинаю.

– Не стоит. Сама знаешь, там боев не было. Ну, практически не было.

Иришка молчала. Все она, конечно, знала. И об оперативной обстановке в районе предстоящих действий группы, и о проблемах с переброской комплекта стартовой аппаратуры. Впрочем, сложностей всегда хватает. Но очевидные сложности, они не очень большие сложности. Куда неприятнее сюрпризы...

* * *

Взлетели с «Чкаловского» на рассвете, и ровно через два часа «борт» благополучно сел в колыбели галицийской демократии. Моросил дождик, взлетное поле казалось болотом, и вообще настроение было поганим. Коллеги встречали – подтянутый капитан-украинец в камуфляже поздоровался и не замедлил сообщить, что возникли проблемы с принятием груза – таможня вопросы имеет. Коваленко кивал, расчетчики возмущались, младший сержант Земляков прогуливался под пахучим крылом Ан-12 и представлял, в какой сейчас ярости пребывает тов. Уварова – у Ирки насобиралась целая папка переговоров-согласований с придирчивыми мытнями-таможнями, все вроде бы уладили, и вот опять тормознули.

Впрочем, устаканилось – Коваленко сходил, покивал в кабинете начальника таможни – ощущение угрозы, веющей от немногословного гиганта, нервировало даже очень ушлых людей. Вообще, начальник Отдела в штатском производил сильное впечатление – появлялось в нем что-то ряженое, голливудское. Вполне мог бы в роли полковника КГБ отсняться: любителя играть Чайковского на балалайке и пытаться юных либерально настроенных афроамериканок.

Размышляя об афроамериканках и Иришке, младший сержант догадался, что на аэродроме и в полете успел отдохнуть.

Наконец самолет начали разгружать, команда расчетчиков и старший лейтенант Нерода остались наблюдать и руководить, а Женька с начальством слушали оправдания украинского капитана. В принципе было известно, что у незалежных коллег из спецтехники и прочего интеллектуального вооружения имеется лишь пара компов, кабинет в Киеве да пустой ангар в Александровке. Что-то там случилось в их Войсковом Историко-Исследовательском Бюро пару лет назад: подразделение разогнали, кого-то под суд отдали, но потом реабилитировали, наградили, разжаловали, уволили, сдали в металлолом аппаратуру, заказали новую в России, но не смогли полностью оплатить... В общем-то, стране, планирующей по два майдана ежегодно, легкие технические неувязки вполне простительны. Симптомы Психи здесь разнообразны: есть острые очаговые, есть вялотекущие, томительно-бытового характера.

Далее в повестке дня значилась рекогносцировка, но армейский микроавтобус за группой не пришел. Опять же по смутным техпричинам. Загрузились в любезно предложенную украинскими офицерами личную «Рено Логан» – хозяин, капитан Марчук, сел за руль, крупногабаритный Коваленко устроился на «командирском» месте. Наконец выкатились с военных

задов «Даниила Галицкого»³⁶. Дождь перестал, пробивалось неяркое солнце. Женька, сдавленный между хмурым старшим лейтенантом-украинцем и дверью, слушал пояснения военных гидов, смотрел на бесконечную Городецкую улицу и размышлял – какого черта командир взял в машину переводчиков, а не командира резервной группы?

Львов выглядел примерно как на фото: ретро с вкраплениями отметин развитого, но уже обветшавшего социализма и аляповато-прогрессивных «евромаркетов». Миновали площадь Григоренко – бывшая Смольки, украшенную зданием областного управления МВД – как положено, серо-решетчатым, угрюмым. В Те времена здесь располагалось городское управление ЗИПО, – впрочем, к моменту прибытия опергруппы в здании будет пусто – смылись нацистские полицейские заблаговременно.

Далее оперативники проинспектировали вполне узнаваемую улицу Леона Сапеги – ныне С. Бандеры, – мимо проплывали часовни и костелы, памятники, «утюг» бывших жандармских казарм, корпуса Политехнического, снова часовни... Пришлось сворачивать – улица оказалась перекрыта – торчал гаишник, за ним виднелся хвост колонны – молодежь пела и что-то неразборчиво скандировала.

– У нас тут мероприятия исторического характера, – с некоторым смущением пояснил капитан Марчук.

– Наслышаны, наслышаны, – пробормотал Коваленко, рассеянно глядя сквозь фигуры в рубашках-вышиванках и немецких штанах-флеках³⁷.

– В соответствии с решением мисьярады³⁸, – уточнил второй украинец-старлей. Подчеркнуто вежливый, он часто сбивался на мову, неизменно извинялся и повторял фразу по-русски. Угу, щирый такой украинец – будто людям с лингвистическим образованием не догадаться, какой язык для него родной.

Машина неспешно катила по старинным улочкам, негромко погромыхивали по рельсам трамваи, высаживали туристов и местных почитателей «Галичины» – юбилей битвы под Бродами для города был событием немаловажным. Зрители стекались к площади, где должен состояться митинг и театрализованный парад. Гаишник в парадной форме вновь указал – «объезжайте». Марчук, чертыхнувшись, свернул. Проехали по Сахарова – бывшей Вулецкой...

В рекогносцировочной группе «Ланцета» чувствовалось определенное напряжение: новый отдельский переводчик лейтенант Спиринов молчал как рыба, но по всему чувствовалось, местное юбилейное мероприятие он крепко не одобрял. Старлей-украинец наоборот – готов грудью отстаивать право горожан праздновать что захотят. Сидели эти двое плечо к плечу, и было понятно, что пакостно не только им. И зачем было сводный состав опергруппы громоздить? На перспективу, с прицелом на будущую дружную работу? Намудрили. Впрочем, начальству виднее.

– Извиняюсь, а что тогда было с дорожным покрытием? – Женька принялся усиленно всматриваться в пешеходные дорожки. – Подозреваю, тротуарная плитка попозже появилась?

Украинцы принялись рассказывать о деталях бывшего городского быта – оба оказались не львовянами, но город знали неплохо.

Проехав по парковой Стрийской, свернули на узкую Кацюбинского – Супинского. Горбатый асфальт вывел наверх – вот и Цитадель...

Граненые невысокие башни-гайки из красного кирпича и тесаного камня, зелень непролазных кустов – словно сто лет нога человека здесь не ступала – и рядышком ровненькие бордюры, окультуренные газоны, чуть в стороне здоровенная мусорная куча...

---

³⁶ Львовский международный аэропорт имени Даниила Галицкого («Скнилов»).

³⁷ Имеется в виду камуфляж флектарн (нем. Flecktarn), весьма популярный у националистов Западной Украины.

³⁸ Горсовета (укр.).

Странное это место – Цитадель. Три высоты, когда-то господствовавшие над малоэтажным городом: Шембека, Познанская и Жебрацкая. Сейчас отдельных холмов уже не различишь – кажутся единым искусственным плато, не таким уж гигантским. До возведения Цитадели считалось хорошим тоном ставить здесь орудийные батареи и палить по городу. Стреляли русские, турки, австрийцы... Но нужно признать, особой яростью те обстрелы не отличались – богобоязненные времена были, сдержанные. В середине XIX века австрийцы расстарались и возвели фортификационный комплекс: крепкостенные казармы, шесть довольно мощных оборонительных башен. Попозже Цитадель усилилась траншеями и вспомогательными фортами, но в боевых действиях этим укреплениям так и не довелось участвовать.

Час недоброй славы Львовской Цитадели наступил в июле 41-го. Вошедшие в город немцы живо дополнили систему дотами, натянули погуще колючей проволоки и создали лагерь военнопленных Stalag-328...

Через ворота Цитадели прошло двести восемьдесят тысяч человек. Сто сорок тысяч человек здесь погибло. Цифры приблизительные – точных данных не знает никто, даже педантичные основатели шталага. Женька успел глянуть документы – но все равно трудно осознать...

– ...Цены, наверное, европейские? – поинтересовался Коваленко, разглядывая старинные чугунные пушки и стилизованный «под старину» вход в башню – обильная роспись над низкими дверями выглядела довольно нелепо.

– Пять звездочек. И ресторан, говорят, неплохой, – сказал, глядя куда-то в сторону, капитан Марчук.

Да, Большая Максимилиановская башня № 2 разительно преобразилась. Экий лоск, лишь по очертаниям и можно опознать оборонительное строение. Женька видел аутентичные фото: толстые стены, канцелярия, допросные, в подвале низкие камеры смертников. Заключенные называли башню № 2 «Смертной». Сейчас бы не поверили. Чистенько, нарядненько, на стенде рекламные буклеты с роскошно-бордельными интерьерами. Да, иной век...

Ужас отсюда почти ушел. Если тщательно забыть, решительно выдавить из себя нормальную человеческую память – ведь очень красивое место. Экзотическое, с этакой эксклюзивной, загадочной аурой старины...

«Отель «Citadel Inn», двухместные «стандарты» и «люксы», Европейська кухня, free Wi-Fi зона, жива музика...»

– Полагаю, оценивать достижения дизайнеров нам не обязательно, – Коваленко озабоченно глянул на часы. – Давайте по плану...

В молчании двинулись к автостоянке. Спирин сосредоточенно смотрел под ноги. Остальным тоже было не по себе. Украинский старлей откашлялся, но благоразумно промолчал. Конечно, времена меняются, жизнь идет, нельзя вечно жить прошлым. Всё верно, всё логично. Здесь, собственно, меньшая часть узников сожжена и захоронена – основные партии трупов и смертников в Лисиничивський лес вывозили.

...Сто сорок тысяч. Тиф, дизентерия, холод, расстрелы, экономичное забивание палками и резиновыми шлангами...

Непонятно, как люди в парке и отеле не чувствуют. Смерть и ожидание смерти. Булыжные души? Или просто не знают и знать не хотят? Но ведь это в воздухе. Нет, не висит, не душит, но тени здесь всегда искажены. И замечаешь краем глаза, как движется рядом еще кто-то. Давняя тень, оставшаяся здесь навсегда. Бывают такие места, не всегда даже музейные и широко известные. Хотя, конечно, и живые люди, что приходят вспомнить и поклониться, часть своей тени оставляют. Женьке как-то рассказывали о мысе Херсонес...

Впрочем, младшим сержантам противопоказано о душе и мистике рассуждать. Скоро в истинную Цитадель придется войти, охраняемой стоянки и халявного кофе там не предви-

дится. Расположение башен ясно, с ориентирами определились, где стояли малые доты охраны, вполне понятно...

...Снова улицы и костелы. Здания, которых тогда еще не было, фото тех зданий, что были, но не дожили до сегодняшнего дня... Улица Шевченко – Яновская, мрачные строения исправительной колонии в периметре свежей колючей проволоки, снаружи памятный камень с надписями на трех языках. Здесь уничтожено от 140 до 200 тысяч, – опять же всё примерно, всё ориентировочно – давние, досадные, почти забытые времена.

Едва ли штурмбаннфюрер Визе здесь, в опустевшем гетто, отсиживался. Хотя имелись кое-какие странные загадки с эвакуацией последних заключенных Яновского лагеря...

Потом оперативники покатали к Высокому Замку – смысл озирать город с высоты неочевиден: большая часть доминант и ориентиров изменилась. Но панорама впечатляющая, да и ждет тактичный Марчук, когда рассосутся с площадей напраздновавшие наследники «Галичины».

От древнего польского замка уцелел лишь фундамент, на холме зеленел парк, имелась смотровая площадка и телевышка. Лестницы, декоративный грот, одинокая, явно откуда-то притащенная «по случаю» скульптура льва с жалобно приподнятой лапкой. Бродят туристы, активно фотографируют крыши и шпили дивного старинного города...

Уползало солнце, таяли в сумерках крыши...

Подошел Спирин, оперся о чугунное ограждение, закурил.

– Знаешь, я все равно не понимаю...

– Угу, вопрос философский, тонкий, – согласился Женька, шурясь на сигаретный дым.

Спирин спохватился, помахал ладонью, разгоняя нездоровую завесу.

– Извини. Не на те детали я, видимо, обращаю внимание.

Отделу со Спириным повезло: переводчик опытный, о вермахте познания энциклопедические, с архивами работает профессионально. Разговорный язык, конечно, чуть хуже. С физподготовкой... Гм, ну, теперь она уже есть, физподготовка, пусть и в зачаточном состоянии. Пришел человек с сидячей работы, возрастом за тридцатник, чего тут ожидать? Звездочки на погоны, соответствующие жизненному опыту, и надлежащую оперативнику поджарость зарабатывает в ближайшем будущем. Сложнее с интуицией и реакцией. Как-то сказал: «я живу в ту войну». Для историка хорошее качество: равнодушный, всё через себя, через нерв, всё всерьез. Но «та» война закончена, и мы ведем нынешнюю войну, с новыми целями и новыми средствами. Глупо спорить, сравнивать, пренебрежительно тыкать пальцем – люди героями были, а ты, Земляков, кто вообще такой? Понятно, не герой. Рядовой военнослужащий, решающий свою узкую, локальную задачу. Как кое-кто, бывало, говаривал: «нам на все времена единственной Великой войны хватит. Наше дело – своевременно собственное дерьмо подтереть, приличный мир детям оставить. Задача скромная, но офигительно актуальная».

А ведь тогда о Психе в Отделе и вообще в Москве толком еще не знали. Может, и началась эпидемия, оттого что регулярную уборку игнорировали? Забился мозг аллергенной пылью, долго ли тут «крышей поехать»...

– ...Вот не понимаю, как так можно, и всё тут, – продолжал Спирин. – Какое-то чувство самоуважения обязано присутствовать. Выдумать себе историю, знать, что лжешь, и убеждать себя? Плевать на могилы, разбивать памятники, ставить на старые постаменты новые бюсты...

– Кладбищам свойственно зарастать. Мы еще те символисты – однохордовые, – вздохнул Земляков. – Знаменитым маршалам и героям – кино многосерийное, многотомные поэмы и памятники титановые в сто саженей ростом. А стрелковому отделению, в блиндаже бомбой накрытому, – строка в ЖБД³⁹. Но это вопрос опять же философский, труднорешаемый. Ска-

---

³⁹ Журнал боевых действий.

жите лучше, товарищ лейтенант, что ваша интуиция подсказывает, на град суровых львов гляючи?

– Мы же на «ты» вроде?

– Не при коллегах, – Женька кивнул на украинцев, разговаривающих с Коваленко. – Уместнее дисциплину боеготовой и мобильной российской армии подчеркнуть. Так что интуиция шепчет? В Цитадели его возьмем или побегать придется? Город немаленький.

Спирин смотрел на панораму города – Львов загорался желтыми теплыми огнями. Красивый сказочный город. Город без сердца.

– Знаешь, Жека, не верю я в интуицию и прочую экстрасенсорику. Иное у меня воспитание и образование. Допускаю, что кому-то чудится, мнится и внутренний голос регулярно шпаргалки зачитывает. Но со мной такого не случилось. Ты уж извини мое ретроградство. Не колдун.

Спирин, со своей привычкой морщить высокий, с наметившимися залысинами лоб и с недописанной кандидатской, на колдуна действительно не походил. Проживал в крошечной двухкомнатной квартире с мамой, в былые спокойные времена посвящал все свое нерабочее время сочинению скрупулезных исследовательских работ по истории обороны Ленинграда, за свои средства заказывал за границей документы по интересующему периоду. Увлеченный человек. Еще он ежевечерне гулял с глуховатой мамой – на Беговой они жили, весьма скромно. Женьке как-то довелось в гостях побывать. До Отдела Спирин работал референтом в представительстве крупной стирально-машинной корпорации, регулярно ездил в Берлин и Мюнхен: переводы, договоры, переговоры... Немыслимо представить, что такой человек затянет командирский ремень, навесит на пузо кобуру и двинет во фронтовой город, ловить особо вредных эсэсовцев. С другой стороны, год назад и сам Земляков...

– Интуиция – чувство малопредсказуемое, – согласился Женька, разглядывая башню ратуши (венский классицизм, однако, весьма внушает). – Может, проявится, а может, нет. Но я сам видел, как товарищи командиры прямо-таки нюхом на цель группу выводили.

– Нет, в обостренное обоняние я вполне верю, – заверил Спирин. – У меня после полосы препятствий гимнастерка так интуичит, что...

Женька засмеялся:

– Себя некогда будет нюхать.

Пора было двигаться в военную «гостиницу». Но стоило выехать на Коперника, как уперлись в пробку. Несколько машин стояло, терпеливо пережидая, когда минует перекресток жиденькая цепь молодежи. Один из пареньков встал на проезде, взмахивая самодельным факелом, что-то прокричал. Юные львовяне с хохотом принялись подпрыгивать. Стайка светлорубашечной молодежи доскакала до тротуара, повернула обратно...

– Кто не скаче, тот москаль! – с восторгом повторял факелоносец.

Одна из машин одобрительно просигналила, остальные покорно дожидались окончания патриотической акции. Марчук вздохнул и дал задний ход. Факелоносец что-то негодуя заорал вслед.

– Номера у нас киевские, – сумрачно пояснил Марчук. – Не любят их здесь.

– Галичина – дивізія героїв! – надрываясь, вопили вслед...

Кружила переулками машина, объезжая шествие. Опергруппу одолевала мысль об ужине и дурном туристическом обслуживании.

– Спросить бы нужно дорогу, – намекнул Коваленко.

– Да, вон остановка, сидит кто-то. Только вы по-русски не говорите, – уже напрямую предупредил украинский капитан.

На кривоватой лавочке сидел ссутулившийся мужчина.

Марчук, открыв дверь, спросил «як на Городецьку виїхати?» – сидящий лишь покосился на номер «Логана» и промолчал.

– М-да, традиция, – насмешливо шепнул Спирин.

Женька, несколько подуставший от туристической жизни, распахнул дверцу:

– Sind Sie ein Einheimischer?⁴⁰

Мужчина в плаще вздрогнул и быстро встал. Ну, относительно быстро – Женька с некоторым смущением понял, что старикана на ноги поднял – ответ фар лица коснулся – сплошь морщины. Черт, неудобно получилось, под плащом у деда форма какая-то, медалька и значки блеснули.

– Werden wir zu Gorodetsky Straße gekommen?⁴¹

Старик кивнул – судорожно, казалось, шея обломится.

Младший сержант Земляков хлопнул дверью:

– Правильно едем.

Марчук лишь покачал головой...

Старик, замерший в сутулой стойке «смирно» остался позади, оперативники ехали в молчании.

– Это что, заслуженный бандеровец был? Или вообще патриарх-петлюровец? – наконец поинтересовался Спирин.

– Не знаю. Я не разглядел, – буркнул Женька.

Вспоминать почтительно подскочившую старческую фигуру не хотелось. Ну его к черту, этот туризм – вечно не то, что хочется, увидишь.

* * *

Утро не совсем задалось: старт был назначен на 7:00, но напряжение в сети скакало, дизель не работал, и пришлось отложить до 8:45. Поправку ввели синхронную – встречающие будут нервничать, но тут уж ничего не поделаешь. Груз транспортировали хоть и увесистый, зато не хрупкий, и волноваться за его сохранность было бессмысленно.

Стартовать с полевой площадки непривычно: бетонные плиты за ангарами опустевшей военной части, брошенные как попало кабели. Где-то имелись часовые, но вообще-то ветхие навесы и забор, местами залатанный новеньким профнастилом, производили странноватое впечатление. Не военнослужащие, а сталкеры какие-то.

– Готовы? – Коваленко поправил полевую сумку.

Личный состав опергруппы уверенными взглядами и втянутыми животами выразил полную готовность и двинулся к стартовому периметру. От прощаний с расчетчиками и остающейся резервной группой воздержались: тут сглазить – раз плюнуть. Женька лишь вскинул ладонь к пилотке, заверяя командира резервной, что проблем не создадут, – старший лейтенант Нерода кивнул.

За ограждением Женька подумал, что надо было Иришке все-таки позвонить. В частном порядке, и наплевать, что народ подумает, да вздумает ли хохмить. Канал связи с Москвой держали постоянный, из динамиков компьютера доносились голоса координационного центра Отдела. Смена была не Иркина, но подруга наверняка сидела в «Ситуационной». Даже голос ее, кажется, слышался. Пусть работает. Нет, правильно, что не позвонил. Девчонки у нас стойкие, но не железные. А от прилюдного рева и хлюпанья боеспособность подразделения однозначно падает...

– ...Отсчет пошел...

Через мгновение земля толкнулась в подошвы сапог. Пахнуло сырой зеленью, и капитан Марчук прошептал:

---

⁴⁰ Вы местный? (нем.)

⁴¹ Мы попадем к Городецкой улице? (нем.)

– Уже, а?

Задача опергруппы «Ланцет»:

Оперативные мероприятия по выявлению и задержанию штурмбаннфюрера Карла Визе, подозреваемого в причастности к работе организации «Норфкисиск».

Сроки по отсчету «Кальки»: 21–26 июля 1944 г.

Район оперативных действий: с. Пасеки – г. Львов. Взаимодействие с спецгруппой ГУКР СМЕРШ. Контакт с частями 10-го гвардейского добровольческого корпуса.

Расчет привлеченных сил и средств:

1. Командир группы – капитан Коваленко Валерий Сергеевич (ВС РФ)

2. Заместитель командира группы – капитан Марчук Сергей Николаевич (Повітряні Сили Збройних Сил України)

3. Специалист-переводчик, лейтенант Спиринов Вадим Алексеевич (ВС РФ)

4. Специалист-переводчик, младший сержант Земляков Евгений Романович (ВС РФ)

Переброску осуществляет полевой пункт координации «Л-1». Старший стартовой группы ст. лейтенант Гавриков А. Р.

Оперативная обстановка:

13 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта начали Львовско-Сандомирскую операцию.

15 июля на Рава-Русском направлении оборона немцев была прорвана частями 3-й гвардейской и 13-й армии.

16 июля в прорыв введена конно-механизированная группа.

17 июля в сражение введена 1-я гвардейская танковая армия. Войска 1-го Украинского фронта вышли на территорию Польши.

На Львовском направлении бои носили более упорный характер. Под ударом немецкая оборона устояла, 15 июля силами двух танковых дивизий противник контратаковал. 16 июля советское командование ввело в бой 4-ю танковую армию. Активизировала действия наша авиация и артиллерия. 16–17 июля в узкий коридор у города Котлова вошли две советские танковые армии.

К исходу 18 июля немецкая оборона была прорвана на обоих направлениях. В районе Бродов в котле оказалась крупная группировка противника. В их числе была и 14-я гренадерская дивизия СС «Галичина»...

3. Непроходимые Броды

– Schneller! Schneller!⁴² – понукал немец-ротенфюрер.

Повинуясь приказу, Микола пытался бежать быстрее, но не выходило – сапоги от чуть подсохшей земли отрываться не хотели. Проще упасть и сдохнуть. Не, не дадут сдохнуть, бить будут.

Во всем были виноваты немцы. Подставили, на самый опасный участок загнали, под танки сунули, заткнули дыру прорыва. Ведь с самого начала дивизионники рассчитывали занять отлично оборудованные позиции на другом участке фронта. Нет, загнали сюда, к Суходолам⁴³. Стояли батальоны, укреплялись, с селянами контакт налаживали. Многим стрільцам места были знакомы – не так давно хлопцы здесь порядок наводили⁴⁴. Когда кругом свои, оно поспокойнее. Хоть немцы-командиры и орали, но в село заскочить, стопку махнуть, с женским населением поболтать украинские эсэсовцы успевали. Небось не Нойхаммер проклятый⁴⁵. Наведывались к дивизионникам и хлопцы из местного УПА – неподалеку в лесах базировались две чоты. Вроде договаривались действовать сообща, но на чем именно столкнулись, Микола, понятно, не знал.

Шутце Грабчак числился в батальоне связи, но в последние дни был прикомандирован к артиллеристам. Оно и к лучшему – у связистов Вуттиг⁴⁶ зверствовал, украинцев за людей не считал, только на своих батальонных немцев рассчитывал. Вообще-то, у артиллеристов было не лучше, разве что в тяжелом дивизионе украинец командовал, своих хлопцев берег. Еще имелось два батальонных командира из украинцев в 29-м полку.

Бегал Микола с проводами: тyani, сними, перетяни, обрыв найди. На аппарате сидел старший вистун-ротенфюрер – по-немецки он куда лучше Грабчака понимал и даже слегка сам разговаривал. Налетали советские бомберы, мешали работам, но в целом дело было знакомое, – учили немцы крепко – под бомбами голова тупеет, сердце в брюхе от страха стучит, а руки работают.

Спокойная жизнь заканчивалась. Советы беспокоили все чаще, авианалеты становились все точнее. Окопы и блиндажи не спасали, в разы прибавилось раненых и убитых. Погиб командир III артдивизиона.

12 июня началось всерьез. Дивизию переподчинили 1-й танковой армии, и все сразу зашевелилось: полки снимались с насиженных мест, перебрасывались на новые позиции, вся артиллерия стягивалась в кулак...

Пока спешно шли навстречу канонаде, было жутко: на дороге сожженные немецкие машины, повозки, трупы – чуть ли не сплошняком. Авиация Советов отработала здесь безжалостно. Возились у дороги немногочисленные немцы из похоронной команды, собирали и сортировали куски конских и человеческих тел. Галичане смотрели на ряды тел и свертков разорванного мяса в молчании, шли, вслушиваясь в небо – но было еще слишком темно, обошлось...

Потом Микола бегал по околице Подгорец, сращивал нитку связи – клятые немецкие бронетранспортеры все время рвали провода. Батальоны и батареи дивизионников вновь

---

⁴² Быстрее! Быстрее! (нем.)

⁴³ В районе Суходол располагался крайний правый, выдвинутый вперед фланг дивизии – разведывательный батальон и 1-й дивизион артполка. Остальные части «Галичины» располагались севернее – до района Турья.

⁴⁴ 29-й полк СС занимал позиции в четырех километрах от «пацифицированного» польского села Гута-Пеняцка. Ранее (23–24 февраля 1944 г.) 1-й батальон 4-го полицейского полка СС проводил зачистку: сожжено 172 дома, убито около тысячи жителей. 9 июня рядовой состав 4-го галицийского полицейского полка СС был распределен по частям дивизии «Галичина».

⁴⁵ Учебно-тренировочный лагерь Нойхаммер в Силезии, где формировалась дивизия «Галичина».

⁴⁶ Командир батальона связи гауптштурмфюрер СС Вольфганг Вуттиг.

спешно окапывались. Говорили, что у русских тысячи танков – лавами так и прут. Немцы отходили растрепанные, повозки ранеными плотно набиты. Уже в сумерках единственный путь шинен тяжелой зенитной батареей, по очереди перетаскивавший 8,8-сантиметровые орудия, вырвал из двух линий куски метров по пятнадцать – Микола проклинал зенитчиков так, что тем точно икалось.

Ночью Грабчака подняли – приказано было идти в 30-й полк, там готовились контратаковать прорвавшуюся пехоту Советов и требовали обеспечить надежную связь с артиллерией. Чужало сердце – дурной день будет. Микола командиру насчет ноги напомнил – ведь подвернул давеча, все же видели. Камрад штурмфюрер, может, толком и не понял по немецко-галицийски, но под зад врезал так, что Гробчак аж язык прикусил.

...Светало. Многочисленная русская артиллерия настойчиво кидала снаряды куда-то левее, дивизионные батареи им отвечали. Связисты, нагруженные катушками и аппаратами, рысили по лесу – вокруг копошились окапывающиеся дивизионники, но штаб батальона все не находился. Наконец, отыскались. Было около шести утра, от росы все отсырело, разгоралась пулеметная перестрелка, старший вистун озабоченно сказал, что где-то пробой замыкает, и двинулся по «нитке» в тыл. Микола не успел подивиться хитроумию старшего по команде, как его самого послали с штурмфюрером-подхорунжим в качестве связного...

...Грубчак полз, перебегал, стараясь не отставать. В ветвях деревьев свистело, стучало, стрельба все ширилась, и Микола догадался, что это уже настоящий бой...

...Подхорунжий скатился в неглубокую траншею, Микола свалился следом, пытался поправить шлем – тот все время норовил съехать и закрыть обзор. Рядом длинными очередями, почти непрерывно, строчил пулемет.

– Идут! Идут! – как оглашенный орал второй номер, дергая из коробки хвост ленты. Подхорунжий, приподнявшись, смотрел в бинокль, у Миколы выглядывать из-за бруствера не имелось никакого желания – посвистывало густо. Подхорунжий толкнул ногой – по траншее вперед!

Все вокруг вели огонь: треск винтовок был почти не слышен за захлебывающимися пулеметными трелями, разрывами снарядов и мин. Громыхало, с жалобным треском валились расщепленные деревья в глубине гая. Микола споткнулся, неловко перепрыгнул через сидящего в траншее эсэсовца – шея у стрильца почернела, на пятнистой куртке расплывалось слишком большое для камуфляжа пятно. Господи ты боже, спаси и сохрани, – его ж прямо здесь и убило!

...Бойцы ожесточенно стреляли. Микола с ужасом увидел, как немец-ротенфюрер готовит гранаты. Проверил свои – нет, не потерял – на поясе оба «яйца»⁴⁷. Неужто большевики так близко?!

...Врага Грабчак увидел, когда переползали вдоль рухнувшего ясеня. Еще левее, за кустами, открывался дымный простор неширокого поля, и Микола абсолютно ясно увидел, как вскакивают двое советских – согнувшись, метнулись чуть наискось, вновь упали-залегли, мелькнул и пропал горб «сидора»...

Больше всего молодого шутце Грабчака потрясло спокойствие советских – они ж почти на открытом, по ним из стольких стволов бьют, а они как дома шныряют...

...Ротный командный пункт был засыпан свежими комьями земли – близкая воронка еще дымилась. Оберштурмфюрера зацепило лишь слегка – санитар бинтовал ему плечо. Двоих убитых втокнули за бруствер.

– ...panzer! – кричал немец, указывая в сторону русских позиций. Оберштурмфюрер-поручник огрызался – показывая на телефониста, возящегося с аппаратом – связи с артиллерией не было, а рацию разбило в начале боя. Немец закричал на телефониста – потом командиры вновь принялись смотреть в бинокли на опушку далекой роши. Микола, наконец,

⁴⁷ Eihandgranate M39 – ручная граната образца 1939 года.

разглядел танки – приземистые, почти не различимые на фоне зелени. Временами там блекло сверкало – русские танки поддерживали атаку пехоты огнем с места...

Подхорунжий торопливо дописал записку.

– Бегом. Пусть срочно огонь переносят. И рацию сюда. Немедленно! Рацию не жди, бегом сюда возвращайся.

– Слушаюсь, – Микола спрятал записку.

Выбраться из траншеи показалось спасением. Грабчак прополз мимо воронок, поваленных деревьев – на одном стволе, обняв иссеченную осколками кору, лежал стрилец-шутце. Выглядело это до безумия странно – будто солдат пытался дерево поднять, на место поставить.

...Микола бежал, придерживая ремень винтовки, прыгал на задугу гонца цилиндр противогаза, лупила по бедру лопатка. Свистел в вышине большевистский снаряд, и валился в траву Грабчак, вжимался изо всех сил, разрыв переживая. Воняла лесная земля раздавленным чистотелом, прелью грибной, могилами... Микола взял, видать, в сторону, выскочил к позициям минометчиков – заряжающий механически совал в ствол мину – хлопало, улетало, ходили пьяно-оглушенные солдаты, несли, роняя, лотки с минами. Из трех минометов работал один – поляна была испятнана мелкими воронками – чем ее засыпали москаля, Грабчак так и не понял, но минометы были разбиты, валялись пробитые каски и амуниция...

...На тропке встретились раненые – брели в тыл. Хромающий солдат махнул рукой, показывая, где штаб батальона.

...Командира батальона на месте не было. Начальник штаба выхватил из рук связного записку. Бормоча кацапские ругательства, сел к телефону...

Микола послушал его крики, попил воды из фляги и признался, что возвращаться приказано.

– Сиди, дурень! Там уже гранаты в деле, все равно не пройдешь.

Микола замер, сжался и даже зажмурился, чтобы прилившего облегчения никто не заметил...

...Кричали, что русские обходят командный пункт. Сначала с той стороны побежали группки дивизионников, потом застрочила пара пулеметов, прикрывавших штаб батальона. И все начали стрелять. Грабчак разряжал винтовку куда-то между деревьев, вталкивал в магазин обойму за обоймой. В ухо заорал, потом затряс за ремни унтер – Микола с перепугу не мог понять ни слова по-немецки. Ах, да, взять раненого...

...Тащили немца – тот, не открывая глаз, кашлял пробитой грудью.

– Свезло нам, – пропыхтел напарник – пожилой, видать опытный, вистун. – Ты послухай – сбили батальон.

Микола, ничего, кроме непрерывной стрекотни и разрывов, различить не мог. Разве что русских автоматов прибавилось – стрекот приметный...

К ночи все роты 30-го полка СС оказались выбиты с позиций. Собственно, нескольких рот практически уже не существовало: полк потерял половину личного состава и всех ротных командиров.

Остатки разгромленного 30-го были выведены в тыл. К ночи Советы вроде бы поубавили напор. По всему выходило – начали выдыхаться. Грохотало севернее – там немцы вели ожесточенный бой с русской пехотой. Микола сидел с артиллерийскими связистами, ел остывший кулеш. Так и не доел – усталость сморила...

С рассветом снова началось: советские самолеты почти непрерывно бомбили и штурмовали позиции и тылы дивизии, но, к счастью, узел связи и батарею пока не нащупали. Дивизионные гаубицы продолжали поддерживать оборону огнем, радисты пытались наладить связь с полками, там вроде бы держались, но к вечеру прошел слух, что Куты уже отданы москалям. В селе остался дивизионный медпункт со всеми ранеными – четыреста хлопцев. Говорили, что немцы вывезли своих раненых на штурмовых орудиях. Галичан они на броню не брали...

Мучительный был день, бесконечный.

...Подзатихло к утру. Микола уже спины от тяжелых катушек не чувствовал. Заснул мигом, но тут же растолкали – уже рассвело, снова начиналось...

...Днем Грабчак оказался в запасном батальоне – было велено заехать, забрать провод и возвращаться к артиллеристам. Возвращаться не очень хотелось – здесь было спокойно. Микола с ездовым Зарембой аккуратно загрузили кабель, сели пообедать – в запасном батальоне кухня уцелела, горячим кормили. Но тут появился гад Кляйнов⁴⁸, приказал всем строиться. Связисты попытались живо на повозку сесть да кабель срочно доставить, но оказались в общем строю...

Стояли немногочисленные шеренги – с сотню солдат из запасного, да такие приبلудные стрилыцы, как Грабчак. Гауптштурмфюрер кратко пояснил обстановку: батальон связи внезапно атакован, ведет бой, нужны добровольцы для «удара взаимопомощи». Выручить камрадов и не допустить выхода врага в тыл дивизии есть благородный долг и обязанность каждого честного солдата рейха.

...Гул боя, рокот вездесущих советских штурмовиков, едва слышный топот сапог выходящих из строя добровольцев... Только немцы из строя и выходили. Бледнел от злобы гауптштурмфюрер, брезгливо смотрели на неподвижных галичан самонадеянные германцы.

Микола стоял как положено – смотрел строго перед собой, мимо командира батальона. Нема дурных. Чем тому батальону связи теперь поможешь? Що он там, на старых позициях, сидел и ждал? На все божья воля. И вообще во всем немецкое командование само виновато – откуда Советы в тылу взялись, а? Куда разведка и господа начальники смотрели? Непобедимый германский порядок, стойкость и предусмотрительность... Теперь вот погибнут хлопцы ни за що...

...Катили связисты обратно к дивизиону. Рассудительный Заремба вздыхал:

– Вот оно как – не сдержали москалей на фланге. Прорыв вышел. Пропадут хлопцы. Ни за что пропадут. Там, говорят, кавалерия у Советов. Лютуют, все сплошь башкиры. Эх, беда, ведь не пробьются наши.

– Я ж там, в батальоне, каждого стрельца знаю, – хмуро сказал Микола. – Золото, а не хлопцы. До последнего стоять будут. Немцы могли бы танками помочь. Так ведь не дадут брони, суки.

– Бросят, как пить дать бросят. Слышь, Микола, а ведь хлопцы могут в лес пробиться. Сообразят, точно говорю. Там свои люди...

– Ты помалкивай. Еще неизвестно, как дело обернется...

Вечером появились точные сведения, что батальон связи полностью poleg, со всей техникой и машинами. Говорили, что в плен советские гвардейцы никого не брали. Вроде бы подошел после боя чекистский батальон из СМЕРШа и всех пленных шашками порубал. Микола вместе с камрадами-связистами выпил шнапса за помин душ, героически загиблых, но в шашки не очень поверил – небось просто постреляли хлопцев из пулемета. Не, сдаваться в плен никак нельзя. Жестоки краснюки к СС. Плохо дело. И заначку потерянную было до слез жалко – десятник хозяйственного взвода клялся, что ранец как свой сохранит, да разве теперь с мертвяка спросишь? Эх, портсигар нужно было с собой носить – ведь чистое серебро. Да и шоколад жалко. Девять плиток... Москали клятые, чтоб вас...

Ночью куда-то перешли, окопались, Грабчак успел подремать, потом сдернули с криком и пинками...

...Несли упряжки противотанковой батареи, трясся ошалевший Микола, цеплялся за неудобный поручень передка, придерживал коленом катушку, пристроившийся рядом криво-

---

⁴⁸ Командир запасного батальона гауптштурмфюрер СС Иоханнес Кляйнов.

носый шарфюрер сопел, норовил заехать в лоб стволом прыгающей винтовки. Ездовой гнал с гиком, свистом – батарея неслась, не разбирая дороги. Как попал на безумный артиллерийский передок шутце Грабчак, за что судьба так наказала – не понять. Противотанковую батарею с позиций сняли одним мигом, бросили навстречу прорвавшимся советским танкам. Но Грабчака-то за что?! У протипанцерников свои связисты имеются, раз не их всех разбомбило, так пусть догоняют и сами...

...Поздно. Летел молодой шутце, кинутый безжалостным приказом, навстречу своей гибели, старался катушки довести. Ой, за що, за що так?!

...Село осталось правее, батарея на рысях вынеслась к полю. Русских пока видно не было, словно вымерло все кругом, лишь темнела цепочка неглубоких пустых окопчиков вдоль проселка. И качалось поле, на которое вот-вот танки Советов выйдут... плоское, с несчастными копами и скирдами, да одиноким, видать, брошенным из-за неисправности грузовиком. Слетела с дороги быстроногая батарея, гарцевал на гнедом скакуне пидхорунжий, взмахивал плетью, указывая позиции:

– Разворачивайся, не медли! Минуты по счету...

...Ржали кони, расчеты снимали с передков приземистые панцертовки⁴⁹. Артиллеристы спешили – и последнему дурню ясно, что выйдет, если «тридцатьчетверки» застигнут батарею неразвернутой. Хоть слегка окопаться бы успеть...

– Та разве здесь позиция?! – стонал ездовой-вистун, пытаясь успокоить разгоряченных лошадей. – Зарыться не успеем, упряжки девать некуда. За скирдой прятать, что ли?

Миколу было не до лошадей: сгреб три катушки, а куда бежать, где командир батареи, разве разберешь?

– Вон они, по леву руку. На те две скирды смотри, – крикнул грузный усач – командир орудия. – Та не топчись, как столб фонарный...

Расчет успел развернуть орудие стволом к положому подъему, развели станины...

Микола, бормоча ругательства, двинулся до командования. Ох ты ж, божечки, все жилы так порвешь. Висящий на шее телефонный аппарат норовил ударить по коленям. Где старший телефонист, с инструментом да вторым аппаратом? Свалился в скачке да потерялся? Гнали жутко, хотя вистун и сам собой до того хитрожопый...

Как следует обложить старшего вистуна Микола не успел. Лязгнуло, заскрипело металлически, и с ближайшей скирды посыпалось сено. Оживали скирды. Оборачивались к ним изумленные взмыленные артиллеристы... Из сена полыхнуло...

...Как можно было не разглядеть спрятанные под сеном танки, объяснить вовсе невозможно. Наверное, со спешки и тряски не всмотрелись. Ведь учили протипанцерников всем этим хитростям. Приказ спешили выполнить, дурни этикие. А невинным связистам потом погибай зазря...

Впрочем, шутце Грабчак связистом уже не считался, поскольку отступал налегке. Бежалось быстро, даже винтовку и прочую амуницию чувствовать перестал. Как на крыльях несло. За спиной ахали танковые выстрелы – на отдельного человека наводчики пока не разменивались, практически в упор уничтожали орудия, передки и упряжки. Разрывы, ржание лошадей, крики раненых... Минута, две... Потом снаряды начали рваться среди удирающих к селу дивизионников, засвистели над головой строчки свинца танковых пулеметов... Но Грабчаку везло – сразу взял верно – к овражку, домчался одним из первых, скатился в благословенную сырость, пополз прочь... Единственный раз обернулся перед оврагом: бегущие, падающие люди и лошади, за ними осевшие скирды, и неспешно шевелящиеся бронированные жуки, показавшиеся удивительно небольшими⁵⁰...

---

⁴⁹ Имеются в виду нем. «Panzerjägerkanone» – противотанковое орудие.

⁵⁰ В составе советских танковых бригад, действовавших против «Галичины», было достаточно много легких танков Т-70.

До своих артиллеристов Грабчак домчался быстро – артдивизион, до сих пор не понесший больших потерь, казался местом надежным, солидным, только за него и держись. Микола пытался рассказать о мгновенной гибели батареи, но немец-обершарфюрер шагнул сзади к кричащему Грабчаку, развернул... врезал в левый глаз, но у Миколы из обеих искры посыпались. Немец гавкнул про паникера и вонючую жопу, отшвырнул к брустверу... Потом хлопцы налили полкружки шнапсу, сглотнул стрилец, и пришлось вновь за провода взяться. Даже покурить не дали, ироды...

К вечеру поползли слухи, что Советы в тыл прорвались, пытаются от резервов отрезать...

Во тьме дивизион отошел назад, связь и прикомандированных телефонистов оставили в распоряжение переместившегося к селу штаба фузилёров.

Настроение у офицеров было хуже некуда – открыто говорили, что немцы «дурни биснувати». Нужно прорываться, пока Советы окончательно кольцо окружения не замкнули. Фрайтаг⁵¹ специально медлит – решил дивизию положить, щоб германцы из котла выскочили.

Грабчак понял, что все здесь и полягут. Но бояться сил не осталось, усталость такая навалилась – хоть в лоб стрелять будут, не пошевелишься. Микола заполз в какую-то яму и на оклики командира связистов не отзывался. Плащ-накидку на голову намотал, и идите все к бисовой матери.

Только с рассветом понял, что под крупом убитой лошади спал. Ладно, що смердела, все одно не до девок Грабчаку гулять. Но примета скверная...

Примета сполна оправдалась – день истинно адовым стал. С утра Советы атаковали с нескольких направлений: у Подгорец, на Сасово, на Колтив... 31-й полк держался из последних сил, немцы временами перебрасывали подкрепления, поддерживали. Москали наседали, вновь ударили «катюшами» и бомбами – казалось, ничего живого не останется. У Опак дивизионники многократно сходились с русской пехотой вплотную, «тридцатьчетверки» в гущу не лезли – мели огнем издали...

– ...Ко второй роте пойдешь. Вот приказ – пусть один взвод налево оттянут и фланг держат. Знаешь, где второй роты позиции?

– Да я же с дивизиона и...

– Знайдешь! Тут овражком, як поднимешься ще километра два и поближе к кладбищу. Не проскочишь...

Микола пошел, зная, что не дойдет. Отводить полк нужно, тут любому дурню понятно. Тяжелый дивизион москали разбили, никакой телефонной и радиосвязи не осталось, танков немцы совсем не дают. Как скот подсунули – на убой. Сами отходят, а здесь подыхай как муха...

Овражек был неглубок и набит немцами: вышедшее из боя подразделение пыталось привести себя в порядок. Казалось, здесь больше раненых, чем стоящих на ногах. Микола протрусил поверху, по склону, внезапно оказался на прореженной осколками опушке – впереди шел бой...

Пехота Советов, в выгоревших гимнастерках и драных телогрейках, немногочисленная, но сплошь с автоматами, уже уцепилась за развалины крайних хат. Устанавливали пулемет, перебежками кидались через огороды. Горели хаты, дым прибивало к земле. От центра села и от кладбища в этот дым строчили галицийские пулеметы – старались москалей к земле прижать. В ответ издали, размеренно, как часы, бил русский танк или самоходка – прикрывал подход своих подкреплений. Через поле растерзанного низкорослого соняшника⁵² спешил взвод Советов...

Микола залег под молодым дубком и попытался разглядеть, что у москалей стреляет. На занятиях учили разбирать типы русских танков и штурмовых орудий, но сейчас издали да

---

⁵¹ Командир дивизии «Галичина» оберфюрер Фриц Фрайтаг (Фрейтаг).

⁵² Подсолнечник (укр.).

сквозь дым разве разберешь... Вернуться нужно и доложить. Вторую роту сейчас искать – все равно что гузном на мину садиться...

Внезапно ударили по захваченной русскими окраине минометы: взрывы лопались среди развалин и огородов, разлеталась земля и картофельная ботва. Советская пехота мигом исчезла. Минометный налет был краток: два десятка мин, и галичане кинулись в контратаку. Меж кладбищенских крестов поднялась чуть ли не рота фузилеров: с примкнутыми штыками, с напористым криком «Слава!» немецкий гауптштурмфюрер и украинский поручник, пригибаясь, подбадривали героев взмахами пистолетов...

Славно хлопцы шли, геройски. Но недолго. Едва миновали ограду кладбища, как навстречу ударили автоматы. Густо строчили, будто батальон москалей у околицы в засаде поджидал. Падали дивизионники, но шли вперед. Лопнуло несколько гранат, и Советы нараз сами на «ура» поднялись. Вставали из воронок и грядок изрытых, согнутые и линялые, вроде разрозненные, но тут же озверелой, единой горстью сыпанули навстречу остаткам фузилерной роты. На миг смешалось все: очереди в упор, блеск штыков, пистолетные и винтовочные хлопки. Ни «Слава!», ни «Ура» уже не слышно – только одинаково матерное и вой звериный. С поля спешило подкрепление москальское, откуда-то танки явились, перемалывая на поле последние соняшники, к околице ползли...

Микола привстал, поднял винтовку, собираясь пальнуть в сторону москалей, но передумал. Хоть и далеко, но могут заметить. Да и нет приказа связному в бой вступать. Иная задача. Не нашел вторую роту, так нужно доложить что неприятельские танки атакуют. Дисциплина превыше всего...

Насчет танков шутце Грабчак не доложил. Так уж обстоятельства сложились. У овражка наткнулся на хлопцев – сказали, что командир 31-го полка убит и есть приказ отходить. Насчет приказа было не очень понятно, но Микола рассудил, что приказ все равно непременно будет, да и вообще какой с шутце спрос? Вон, у фузилеров унтер есть, на него сослаться можно.

Уходили через реденькую рощу, чудом под обстрел не попали – тяжелые москальские мины легли позади. К группке прибилося еще несколько стрильцов, так и шли, пока разъяренный немец-обер наперерез не выскочил. Грозил на месте застрелить, затвором машингевера⁵³ щелкал. Но обошлось. Оказалось, на позиции 29-го полка вышли и здесь всех стрильцов собирают...

* * *

Следующие дни для Миколы слились в один. Ад, истинный ад. Налеты, обстрелы, попытки уйти в безопасное место, бесконечная беготня и поиски пропадающих солдат. Повезло, что хорунжий Тимкевич взял легконогого связиста в связные. Микола числился вроде как при штабе: сначала так и не переформированного батальона, потом роты, потом «боевого отряда прорыва». Все смешалось: немцы, галичане, «хиви»⁵⁴. Еще держали позиции разрозненные группы 454-й охранной дивизии, но севернее обороны практически не имелось, большевики сбивали заслоны, сжимали кольцо. Говорили, что извне «крышку котла» пробивают штурмовые орудия 8-й танковой, но Грабчак не верил – не сунутся в этот ад немцы.

...Отходили дивизионники в одну сторону, поворачивали, пережидали обстрел и бомбежку. Овраги, поля, истерзанные гаи...

...Приказано было пробиваться через железную дорогу в сторону Подольских высот. Хорунжий Тимкевич пытался разглядеть в бинокль позиции противника – где-то там посту-

---

⁵³ От немецкого *Sturmgewehr* 44 – штурмовая винтовка образца 1944 года.

⁵⁴ Хиви (нем. *Hilfswilliger*, «желающий помочь») – добровольные помощники вермахта, набравшиеся из местного населения на оккупированных территориях СССР и советских военнопленных.

кивал пулемет, но в вечернем сумраке ничего разобрать не удавалось. Микола и обершарфюрер – старший десятник Зачепков старались держаться рядом с офицером – вроде ординарцев и охраны. Андрий Зачепков служил во взводе полевой жандармерии, коих дивизионники не шибко любили, но сейчас все так перепуталось, що... Вообще-то Зачепков был коренаст и силен – без труда волок, кроме своего, и ранец с офицерскими консервами – умней пока держаться гуртом...

Бомбежки уже кончились – темно для авиации Советов. Вечер пришел, теплый, еще безлунный, благословенный. Но Миколу озноб бил – чуяло сердце, всех в прорыве положат...

Сгущалась темнота, и разом стрельба усиливалась. По всей долинке двигались группы прорыва: многочисленные, настроенные отчаянно, некоторые немцы с пулеметами, «панцерфаустами» и «офенрорами»⁵⁵, но остальное тяжелое оружие и раненые уже давно оставлены. Как сказал хорунжий, «на кон поставлено усе».

...Коротко крикнул немец – командир группы. Встали, пошли во тьму, навстречу взлетающим нитям трассеров, взрывам мин...

...Микола шел, бежал, падал, боясь одного – потерять хорунжего. Офицер наверняка вывести должен – он образованный, умный, из Львова, с самого начала войны ушел давить жидов да поляков университетских.

...Дергалась сырая тьма от бега солдатского, где-то рядом текла речка, пахло тиной и спокойствием. За ивняком густо рвались мины, но то в стороне. Грабчак молился, бежал за пятнистой, перечеркнутой ремнями спиной хорунжего...

...Забор, хата – неожиданно оказались в селе. Улица, сломанные ограды и развалины, где-то визгливо ругалась баба. Отряд спешил через село, обходил зарева горящих домов. Чьи-то трупы у кустов, внезапно вспыхнувшая близкая стрельба... Околица, приказ «закрепиться»...

– От Почап немцы густо подошли, – хрипел Зачепков. – С батальон будет. Точно говорю, проломимся.

Микола кивал – шлем вновь сползал на нос. Грабчак подтягивал подбородочный ремень – пальцы тряслись. Какое там «проломимся», всех положат. Будь тот день проклят, когда «добровольцем» зачислился. Застрелят Советы на месте, как настоящего «эсэсса». Даже руки поднимать нет смысла. Господи, ну чем Грабчак виноват?! Ну почему «эсэсовец»? Это ж не специально...

...Ощупью жрали сардины из плоских банок. Микола торопливо сглатывал жирные куски, вытирал пальцы о траву.

– Ты харю утри, – шептал обершарфюрер. – Унюхает...

– Да знаю, – Микола клоком жесткой травы утирал губы. Хорунжий действительно был рядом – у соседней клуни совещался с двумя немцами-офицерами. Заметит, що консерву самовольно поделили...

...Засвистели высоко в небе снаряды – уцелевшая гаубичная батарея пыталась поддержать прорыв.

– Vorwärts!⁵⁶

...Выбежали из-под прикрытия крайних хат, рванулись по неровному полю. Темнела полоска леска, плыла над ним луна, дымом подернутая. Миг темноты проскочил – и засверкал лесок искрами вспышек, встретили Советы пулеметами...

Вновь бежал Микола за пятнистой спиной – она в сторону метнется, и Грабчак за ней. По окраине болота прорывались – туман клубился, пули над головой свистели. Бежали вперед, не стреляя, полторы сотни солдат. Иногда кто-то падал: вставал или нет, никто не смотрел...

---

⁵⁵ Офенрор (нем. Ofenrohr – «печная труба») – немецкий ручной противотанковый гранатомет калибра 8,8cm R.Pz. B.54.

⁵⁶ Вперед! (нем.)

Потом москали накрыли минометами – осколки косили бегущих, Миколу обдало мокрым песком, брызгами, как железом не задело – неведомо. Бог спас...

Проскочили болотистый луг – начался подъем. Пустые ямки-ячейки, россыпи гильз – отошел русский заслон. Впереди хаты...

– Закрепиться!

...Валялся Микола под стеной сарая. Сил хватило лишь флягу наполнить да впрок нахлебаться – у колодца топтались десятки солдат, набирали воду почти на ощупь. Стрельба поутихла, но мины изредка рвались между хат...

Офицеры вновь совещались, небо светлело. Микола мучился: и живот после жирных сардин без хлеба страшно крутило, и душа требовала – идти, быстрее идти, пока темно, пока уцелеть можно. Появился Зачепков, повесил автомат на жердь и упал на землю. Микола унюхал аромат первача.

– Откуда?

– Дед потчует. Пьяный в дымину, – Андрий хихикнул и полез за сигаретами...

Курили, прикрывая сигареты. Втягивая дрянной дым, Микола пробормотал:

– Побьют нас.

– Проскочим. У большевичков здесь «катюш» нету и оборона клочковата. Немцы свое дело знают, выйдем.

Микола хотел спросить «а потом шо?», но смолчал. Прикроет длань божья, и Грабчак глупостей творить не станет. Дурних нема.

Начало светать, и обстрел усилился – видимо, москали артиллерию подтянули. Горели хаты, от дыма стало трудно дышать. Кричали раненые...

...Хорунжий перешел в канаву на задах – ровик прикрывала груда камней. «Штабные» перебрались туда же. По всему выходило, что командование не знало, как быть. Зачепков украдкой прикладывался к фляге – ох, щедрым тот дед был, щоб ему...

Застучали выстрелы – пехота Советов сунулась на разведку. Тут же с другой стороны заорали:

– Panzer!

...Микола видел «тридцатьчетверки» – несколько машин проползло за развалинами крайних хат. Один из танков развернул башню и ахнул по крайнему дому – взлетели обломки, за облаком пыли жутко заскрежетали гусеницы, ворочалось бронированное чудище...

Наперерез «тридцатьчетверкам» побежали немцы с «офенрором». К штабной яме подполз немец-унтер. С руганью требовал отражать танки – хорунжий клялся, что нечем – даже гранат нет. Немец грозил пристрелить. Тимкевич, брезгливо скалясь автоматному стволу, велел собирать гранаты, вязать связки. Микола и Зачепков выползли из ямы...

...Грабчак полз, перебежал между хат. Дивизионники прятались, кто как мог. Гранаты, понятно, имелись, но идти навстречу танку – верное самогубство.

– Лежи, – посоветовал десятник с забинтованной головой. – Отойдут танки. У них пехоты нэма.

Танки действительно в село не лезли – двигались поодаль, время от времени наугад бухая из орудий. Одну из «тридцатьчетверок», неосмотрительно подползшую ближе, немцы подбили из гранатомета. Экипаж успел удрать, и танк стоял с приоткрытыми люками. Казалось, дело не так плохо. Микола видел, как молодой вистун, взяв «панцерфауст», пытается подстеречь еще одну «тридцатьчетверку». Дивизионники следили, как лихой хлопец переползает и перебегает, прикрываясь полуразваленным забором и стеной дома. Замедлил ход, зарычал, разворачиваясь на месте, советский танк – словно чертик из коробки подпрыгнул вистун, вскинул трубу гранатомета. Из танка его явно не видели: удалец пробрался между стеной хаты и земляным горбом погреба. Микола и все наблюдатели затаили дыхание...

Хлопок гранатомета почти не слышен в танковом скрежете. Куда угодила граната, Грабчак не понял – наверное, над коптящим двигателем «тридцатьчетверки» пролетела. Но вистуна-фаустника видели все: вырвавшаяся из сопла гранатомета огненная струя ударила в слишком близкую стену хаты, отразилась и обдала спину стрелка. Вистуна швырнуло вперед – спина его пылала, донесся короткий вопль...

Жив гранатометчик или нет, Микола не узнал. Разом легли на улице два снаряда, осыпало дивизионников землей. В небе завывало – налетали штурмовики...

...Держаться до темноты нечего было и думать. Разбомбят в кашу, потом танками проутюжат. Микола думал снять куртку и содрать предательские руны с петлиц – может, в плен удастся сдаться, если сразу не пристрелят. Жизнь, она хоть какая лучше, чем под гусеницы ложиться. Но пока кругом немцы и те дивизионники, что идейные до полной чугунности, они ж Грабчака раньше большевиков пристрелят...

...На прорыв пошли под солнцем, на верную смерть. Впереди тянулось шагов четыреста голого луга, потом насыпь железной дороги, за ней опять поле – там мелькали красноармейцы подошедшей стрелковой роты. Еще дальше – лесок. Добраться до того гая – жив останешься. Советские танки от села отошли – четыре или пять машин разворачивалось у насыпи...

...Перерыв между налетами оказался коротким – снова взревели в небе двигатели – шла новая волна штурмовиков. Подстегиваемые этим ревом и криками командиров, прорывающиеся высыпали на луг. Микола удивился количеству бегущих – казалось, в селе всего несколько десятков солдат уцелело, но сейчас бежало несколько сотен: вермахтовцы, дивизионники, шайка «хиви» – смуглых, безоружных, визжащих испуганно и дико. Хиви-азиаты бежали кучей и выглядели целью очевидной. Хорунжий сразу взял от них в сторону, Микола и Зачепков держались следом...

...Пели-свистели очереди советских пулеметов, кричали солдаты, бежали вперед, падали... Середина луга, русло крошечного ручья. Волнами тянулся дым от горящего села, отчаянно неслись сквозь него солдаты... На насыпи красноармейцев пока не было – по прорывающимся стреляли в основном справа. Но Микола как-то враз, спинным хребтом, почуял – не пробиться. В этот миг хорунжий вскрикнул, упал на колено. Микола хотел проскочить мимо, но почему-то присел рядом с офицером, с другой стороны упал хрипящий Зачепков. Мимо пробежали отставшие солдаты группы прорыва, заячьим скоком пронесся скулящий и поддерживающий простреленную руку «хиви»...

– Пластунами по канавци, – приказал, кусая тонкие губы, хорунжий. Особо раненым он не выглядел – споро пополз на локтях. Грабчак двинул следом, повинуюсь не смыслу, но уверенному тону. Тимкевич ящерицей втиснулся прямо в грязь крошечного ручейка, брыкая своими дивно хорошими сапогами, заизвивался, уползая по руслу. Микола лег в воду – как раз пузу места хватило, двинулся следом. Сзади пыхтел Зачепков...

Хорунжий оглянулся:

– Кто дупу вздымет, пристрелю!

Пластуны глянули на пистолет, закивали...

Ползли, прохладная трава и грязь позволяли скользить легко, хотя и пробуксовывали пластуны временами. Ложбинка крошечная, но если втискиваться, как надлежит...

Над лугом все свистело, рвались припозднившиеся мины. Но это уже за спиной – ведомые хорунжим бойцы уползали влево. На миг остановились дух перевести, офицер оглянулся:

– Глянь, що там?

Микола осторожно приподнялся: оказалось, не слишком далеко уползли. Луг, усеянный телами, насыпь... Залегшие под ней солдаты – раз шевелятся, значит, еще живые. А по насыпи ползли танки. Не стреляли – остатки прорывающихся скрывались в мертвой зоне. Отсрочка им...

– Двинулись, – приказал своим «штабным» Тимкевич.

Месили грязь дальше, следом канавка оставалась – не дай бог, выдаст след. Микола жалел, что не первым ползет, пить так зверски хотелось, что искал впадинки с водой почище, мордой совался, потом грязь выплевывал...

Стрельба за спиной разгорелась с новой силой. Беглецы осторожно приподняли головы: уцелевшие прорывавшиеся отходили от железной дороги – обратно к селу. С насыпи поочередно били танки: четыре выстрела – четыре разрыва. Оседает земля и дым – меньше бегущих. Четыре новых разрыва – еще меньше...

...К оврагу беглецы выбрались лишь часа через три. Весь спасительный ручей пропахали, по уши грязные у криницы оказались, но хорунжий толком напиться не дал – вперед, не медля! По ответвлению оврага поднялись, и опять на пузе к рощице. Везло – сплошного кольца у Советов не имелось, лишь опорные пункты. Прошли, должно быть, рядышком. Микола слышал голоса, стук лопат – окапываются пулеметчики. В селе все еще шел бой, доносились глуховатые выстрелы танковых пушек...

Уходили на запад. Тимкевич сказал, что в Сороках у него есть крепкие знакомые. Немцев Советы даванули, пусть теперь с истинно народной, украинской войной попробуют управиться. Микола шел и думал, что в партизанах сидеть – безысходное дело. Насмотрелся на них. Советы своим бандитам хоть патроны и харч с самолетов сбрасывали, да обнадеживали приходом Красной Армии. А украинцам кто поможет?

...Шли осторожно, дорог избегали. Москалей в округе было не так густо: видимо, большая часть большевистских частей окруженный корпус добивала или южнее наступала. Над головами то и дело проходили эскадрильи – но громыхало где-то в отдалении. На Львов метят Советы, прорыв развивают...

– Связали мы большевиков, – говорил хорунжий. – Не зря хлопцы смерть приняли. Столько сил держали, измотали душегубцев. Теперь у москалей сил на штурм Львова не хватит. Встанут там, видит бог, встанут...

Микола и Зачепков кивали. Из уважения к хорунжему. Без него куда идти? У Миколы знакомцы в лесных куренях имелись, да где их сейчас искать. Нет, нужно за Тимкевича держаться...

Ночевали в лесной яме. Дождь прошел, плащ-накидки только две. Зябко...

Утром дальше. Солнце всплыло, трава и листья каплями сияли, словно праздник какой. Даже живот голодом поменьше сводило. Ушли ведь от войны, ушли...

...Дорогу нужно было пересечь. Место холмистое, не то чтобы открытое – липовый гай краем подступает, но опасно. Перебежали, оглянулись – внизу, у подошвы холма, меж кустарника, возы стоят. Вроде и трупы вокруг. Наверное, разбомбило кого.

– Нужно глянуть, – решил хорунжий. – Нам еще суток трое идти. Провизия нужна, шинели...

Подходили осторожно, держа наготове оружие. Убитых немного, и воронок не видно. Похоже, обоз обстреляли с воздуха: уцелевшие лошади выпряжены, груз брошен, ездовые разбежались...

Микола пошевелил ногой флаконы из лопнувшего ящика: пахло резким, поганым. Медицина, но не спирт.

– Ветеринарная служба, – пояснил Тимкевич, ловко знающий по-немецки. – Консервы ищите, должны быть...

Микола нашел шинель, короткую, но вполне годную, наткнулся на торбу с кукурузными зернами. Хорунжий внимательно изучал надписи на коробках с ампулами, Зачепков морщился – ничего толкового отыскать не мог. Постукивание копыт казалось столь мирным, что Микола с опозданием из-за воза выглянул...

Двое солдат вели под уздцы коня – видать, поймали на опушке. Коняга, крупная и мосластая, нервно фыркала. Солдаты были как солдаты – потрепанная немецкая форма, винтовки за

спиной... Миколу смутило отсутствие противогазов – собственный надоел до смерти, но за его утерю, как за винтовку – верная дорога под суд и в штрафной батальон. Потом уж разглядел повязки на рукавах, фуражку странную... Это ж польская!

– Хальт! – крикнул хорунжий, вскидывая пистолет.

– Руки вгору! – поддержал Микола, поспешно хватаясь за свою винтовку.

Лошадь и неизвестные одинаково застыли, уставившись на явившуюся из-за повозки засаду.

– От курва, – растерянно прошептал тощий поляк.

– Мародеры, вашу мать... – с ненавистью прошипел Тимкевич. – Постреляем на мисци...

Один из поляков суетливо вскинул руки:

– Не вбивайте!

Второго прикрывала лошадь, он вроде тоже руки поднимал, но неловко. Микола, догадавшись, выстрелил и упал на землю. Заржала раненая лошадь. Откатываясь в кювет, Грабчак успел заметить темный кругляш «лимонки», упавший за повозкой...

Ахнуло...

...Брыкалась, дергалась на земле лошадь. Строчил из автомата Зачепков, убегали поляки... Вот пригнувшиеся фигуры исчезли в ложбине, Микола только раз успел и выстрелить вслед. Ну, що это за винтовка? Под немецкую кривую руку делана, нормальному человеку хоть как прикладывайся...

Громко стонал Тимкевич: гранатные осколки порвали ему бедро и колено. Зачепков возился, накладывая повязку. Еще громче хорунжего стонала-плакала лошадь с пробитой шеей.

– Да уйми ты ее, – злобно приказал Зачепков.

– Жалко скотину, – Микола подошел, попробовал вставить ствол в ухо, но конь шибко дергался. Пришлось бабахнуть в лоб.

– Уходить нужно, – Зачепков озирался. – Нашумели...

...Хорунжего пришлось волочить на шинели – Тимкевич при каждой встряске вскрикивал и ругался. Миколу мешало ведро, в которое кукурузы сыпанул, да и вообще было неудобно и тяжело. Кое-как дотащились до опушки, укрылись в лещине.

Положенному на твердое хорунжему чуть полегчало. Отдышался, простонал:

– Приказываю меня не бросать. Сейчас найдем убежище, один со мной останется, второй в Сороки записку отнесет. Меня там знают. Пусть вывозят или верным людям передадут. Тут в селах наши есть.

– Так и сделаем, не сомневайтесь, – Зачепков утер лысеющий лоб, вновь надел каску. – Пишите, пан хорунжий. Сейчас жерди срубим, носилки смастерим. Микола, штык давай...

Отошли, отыскивая подходящие деревца. Зачепков приглушенно пробубнил:

– Ну куда его волочь? Расковыряло глубоко, кровит весь. Да и шуму. Если б в госпиталь. А так не жилец. К вечеру воспаление пойдет...

– Так и я ж говорю. Оставим. Может, отлежится или санитары подберут.

– Да, оно правильное будет. Записку возьмем, да вдвоем пойдем.

Для успокоения раненого срубили две горбылины, вернулись. Тимкевич, постанывая, торопливо писал в блокноте, положенном на полевую сумку. Поднял глаза на Миколу:

– Ты пойдешь. Ты молодой, ловкий, и крови твоей украинской доверяю. Своего не оставишь...

– Не сомневайтесь. Я мигом сбегаю.

– Сутки туда, сутки обратно, – хорунжий заныл от отчаяния. – Успей, Микола, Христом богом прошу. Пусть фельдшера пришлют. Обезболивающее я подобрал, но шприца нет...

– Я як молния, – заверил Грабчак, делая вид, что возится с жердями.

Тимкевич снова писал в блокноте, но пистолет держал под рукой. Сложил записку:

– Это Чубу передашь. Я с его братом учился, он поможет. Сейчас еще две строчки напишу. Если я... если... Пусть это жене передадут. Он адрес знает, но я напишу... Вдруг...

Писал, черкал... Солдаты переглядывались – ждать неумоготу – от дороги, считай, и не ушли. Не ровен час...

– Вот, – Тимкевич сложил листок окровавленными пальцами. – Перенесите меня вглубь, и ступай живей, Грабчак...

Микола спрятал письма.

– Сейчас переложим вас, пан хорунжий... – Зачепков придвинул жерди, просунутые в шинель, и внезапным пинком отшвырнул «вальтер» подальше от офицерской руки.

– Ты... – задохнулся Тимкевич.

– Пошли, Микола, – не глядя на раненого, приказал принявший командование обершарфюрер Зачепков.

– Так мы еще вернемся, – на всякий случай пробубнил Микола, подхватывая ведро.

Дивизионники пошли в лес. За спиной кричал и матерился Тимкевич. Вот уже и просвет впереди – склон холма открылся, а вопли все слышны.

– Не дело, – хмуро буркнул Зачепков. – Шумно помирать собрался. Накличет кого.

– Верно. И вообще дурно выходит. Человек, он ведь не хуже коня.

– И я ж так думаю. Только пошли вместе милосердие проявим. Шоб не было искуса для дурной болтовни.

Микола кивнул, поставил ведро.

Вернулись. Тимкевичу не лежалось – пытался до пистолета доползти, да не получалось.

– Вот из интеллигенции вы беспокойной, да шумной, пан хорунжий, – посетовал Зачепков. – Достоинство офицерское не блюдете.

Упрямый Тимкевич смотрел с ненавистью, захрипел матерное... Микола бил прикладом, обершарфюрер – лопаткой. Потом вытерли инструмент, Зачепков подобрал пистолет, приказал:

– Кобуру с него сними. Хорошая кобура.

Микола, вздыхая, присел над мертвецом. Это что ж за жизнь? Туда, сюда, беги, стой, снимай... кругом паны начальники...

Кобура слегка забрызгалась, пришлось отирать.

– Слышишь, может, нам конины кус отрезать, пока не ушли далеко? – предложил Микола.

Зачепков, увлеченно потрошащий офицерскую сумку, кивнул:

– Давай, Миколка. Только пульей, одна нога здесь, другая тоже здесь.

– Ну, так конечно... – Грабчак выпрямился. Патрон давно загнан в патронник, тянуть нечего. Пан обершарфюрер на тихий щелчок предохранителя лишь вздрогнуть успел...

Стрелял Микола с пяти шагов, предусмотрительно не в голову целил, а в спину – тут и немецкий винтарь не подведет. Рухнул Зачепков, захрипел, пальцы в сырую землю впились...

– Не грабастай, кацапья морда, не твоя земля, – посоветовал Микола, взмахивая винтовкой. – Откомандовался, дурень жадный.

Не, прицельность у оружия так себе, но приклад добротнo окован, и обтирать его легко.

Да, лишним стал обершарфюрер. Вести его до борцов за свободу – к себе доверие подрывать. Время сложное, доверие заслужить нужно. И таким сомнительным кацапам в национальном подполье места нету. Сегодня раненого хорунжего предложил добить, завтра и здоровому товарищу в спину стрельнет. Дрянной человек, фельджандарм, одно слово. Да и язык распускать может. Имелась у Миколы одна думка, как дальше полочнее действовать...

На душе полегчало: не мальчишка Микола Грабчак – сам себе командовать способен. А то умники собрались, довели человека до края, чуть не сдох ни за что. Понятно, никто в Сороки не пойдет. Нема там перспектив. До города добираться нужно. Пока москали Львов

обложат и осаду создадут, проскочить можно. Остатки «Галичины» наверняка на переформирование отведут, и Микола на муштру в запасном полку вполне согласен – все ж не под бомбами штурмовиков лежать. А там, глядишь, война и кончится...

Гребчак сходил за ведром, собрал полезное имущество – у Зачепкова плащ-накидка поновей была. Сапоги офицерские, правда, брат не решился – уж очень приметные. Осталось конины нарезать, да к городу поспешить.

Решение было ох как верное, – спустился к дороге Микола осторожно, с другой стороны вышел и тут же на лежащий в кювете велосипед наткнулся. Надежная армейская машина – на таких в полку обучали ездить. На ходу, и насос пристегнут. Вот что значит решение умное – бог рассудительному человеку всегда поможет...

...Крутил педали Микола Гребчак – тропинка сама под колеса ложилась. Главное – подальше от звуков канонады держать. Карта есть, харч есть, а ориентироваться в непростом мире Гребчак умеет...

4. От исходных

20 июля 1944 года Поляна (30 км юго-восточнее Львова) Опергруппа/младший лейтенант Земляков. Время не уточнено.

– ...Уже, а? – прошептал капитан Марчук.

– Типа того. Поздравляю с успешным выходом на орбиту, – ободрил оперативную группу Коваленко.

Все озирались, словно в пещеру артефактов плюхнулись. Неизбежная реакция. Младший сержант Земляков, очередной раз, пусть и временно, повышенный в звании, справедливо считал себя опытным оперативником, но все равно башкой вертел и поудобнее увесистый мешок перехватывал. Должно быть, со стороны смешно выглядит.

Трава, неожиданно тяжелая, влажная, пахнувшая недавним теплым дождем. Реденькая роща. Небо, недавно просветлевшее, ветра нет, душновато. Пахнет летом и... В общем, глубоко сельской местностью пахнет. Рокошет на горизонте. Нет, гроза ушла в другую сторону. Это артиллерия. Физиономии у Марчука и Спирина одинаково потрясенные – не слышали офицеры такого количества стволов. Но пока до них далеко...

– О, встречающие, – Женька увидел трех человек, поднявшихся из кустов на краю поляны.

Марчук и Спирин вздохнули, кажется, с облегчением. Коваленко – наоборот. Вот же странный человек ИО начальника Отдела – нет бы улыбнуться сердечно.

Встречающие подходили, и товарищ Торчок, забрасывая за спину ППС, уже издал приветственный:

– Здравия желаем, товарищи офицеры. Тож с благополучным прибытием.

Павло Захарович не сильно изменился: все тот же компактный, длиннорукий, по-пехотному близкий земле, на мятых погонах одинокие ефрейторские лычки. Пилотка поперек головы, вид сугубо фронтовой, обтрепанный, хотя гимнастерка новая. Старшина Шведова тоже та самая – лицо строгое, дабы миловидность изгнать и спрятать как можно дальше. И сумрака на том лице вроде бы поменьше – впрочем, Женька старался не разглядывать: неприлично, да и есть кое-кто, кому старшина поинтереснее.

Со старыми знакомыми встречал опергруппу и капитан: сухощавый, среднего роста, с эмблемами войск связи на погонах. ППШ за плечом, ничего особенного. Впрочем, именно таким и должно быть доверенное «лицо контактной группы».

Товарищи офицеры проясняли обстановку, Спирин вслушивался и пытался прийти в себя, Женька беседовал с младшим командным составом.

– Нормально, – сказала Марина. – Подготовились основательно. Транспорт, охрана, связь. Осталось Львов освободить. Только я так и не поняла – почему этот ваш эсэсовец в городе остается? Диверсант?

– Пока не ясно, – Земляков с некоторой нервностью оглядел старых друзей. – Слушайте, а как со стволами? Вроде бы должны нас снабдить.

– То попозже, – объяснил Торчок. – Оружие, имущество – всё подвезут.

Шведова молча расстегнула полевую сумку, извлекла знакомую кобуру.

– Вот понимающий человек, – Женька покосился на офицеров. Марчук смотрел на кобуру с нехорошей завистью, Коваленко упорно не желал поворачивать голову – понятно, не на пистолет, а на старшину опасался глянуть.

Подмывало проверить «Лахти» – привычка есть привычка, но возиться на глазах безоружного командования было не тактично. Женька спрятал кобуру за пазуху.

Двинулись к транспорту: «виллис» был замаскирован срубленными ветками в рощице. Сложили груз, с трудом втиснулись сами, свешивая ноги и иные части тел. Торчок старался не упираться сапогами в «импортные» мешки:

– Оборудование? Тож помнем случаем...

– Опирайтесь, вполне безопасно, – разрешил капитан Марчук.

Капитан «контактной группы», назвавшийся Поповым, сел за баранку. Перегруженный «виллис» закричал, дернул с места, подминая ветки и кусты. Женька, приобняв старшину, крепче вцепился в борт:

– Извиняюсь, исключительно в целях техники безопасности.

– Да ладно, товарищ младший лейтенант, я ж вас знаю. Держитесь. Не женились еще?

– Нет. Но добился твердого согласия.

Шведова по-простому улыбнулась.

Машина выбралась из леска, дунул свежий ветер.

– Вот, проветримся, – с облегчением сказал Марчук. – А то духотища.

– Это, товарищи, не духота, а последствия пребывания немецко-фашистских захватчиков, – пояснил крутящий баранку Попов. – Не знаю уж, что за кавалерия за рощей стояла, но гадили их першероны изрядно. Мы пока вас ждали, и так, и этак, с наветренной стороны... Впору противогазы надевать.

– Да, с точкой randevu мы не очень угадали, – пробормотал Коваленко. – Еще и ждать нас пришлось.

– С санитарной точки зрения, ничего страшного, – заверила Шведова. – Пехотные части в этом отношении намного опаснее.

Засмеялись. Виллис катил под горку, стиснутые и перемешанные с «аборигенами» оперативники начали акклиматизацию.

* * *

По большаку прокатила колонна машин – заправщики и грузовики спешили догнать ушедшие вперед танки своей бригады, и дорога вновь опустела. Та странная полоса относительной тишины: фронт прорван, немцы частью огрызаются в больших и малых котлах, частью поспешно отходят на запад. Где-то наши танки движутся с опережением и грозят новым котлом, где-то вообще нет никаких крупных соединений и жизнь замерла в шаткой неустойчивости. Прорывы, клещи, котлы, паническое бегство...

Впрочем, здесь, у сгоревшего, должно быть, еще в 41-м хуторка, царил порядок и относительная тишина. Проверялась техника, пехота набиралась сил, наверху стояли часовые, бдили наблюдатели у крупнокалиберных зенитных пулеметов. Тут имелось все: два взвода автоматчиков, грузовики, новенькие виллисы, мотоциклы, трофейный тягач, полевая кухня, санитарный фургон-полуторка (правда, довольно потрепанный). Спецотряду придавалась и ударная сила: крошечный БА-64⁵⁷, танковый взвод в количестве трех Т-34-76, полугусеничная ЗСУ М17⁵⁸ и пара роскошных, кажется, еще пахнувших заокеанской краской, ошетилившихся пулеметами «Скаутов»⁵⁹. Кроме танковых радиостанций в отряде имелись и прикомандированные связисты с надежными «Северами»⁶⁰ и прочей радиотехникой.

---

⁵⁷ Легкий броневедомитель советского производства на базе легкового автомобиля ГАЗ-67. Вооружение – один пулемет ДТ.

⁵⁸ ЗСУ-М17 американского производства, поставлялась по ленд-лизу. Создана на базе полугусеничного бронетранспортера М2, вооружена счетверенной установкой Browning калибра 12,7 мм.

⁵⁹ Scout Car М3 – легкий бронетранспортер производства США, штатно вооружался одним 12,7-миллиметровым пулеметом и одним-двумя 7,62-миллиметровыми.

⁶⁰ «Север» – советская переносная коротковолновая радиостанция.

Все это вверялось командованию опытного московского смершевца – майора Коваленко. «Потяжелевшая» звезда на погоне начальнику Отдела не давила – вошел в курс, командовал уверенно и, главное, стал смотреть во все стороны, даже и в старшинскую.

Женька со Спириным ознакомились с бронетранспортерами, на которых предстояло двигаться, пообщались с водителями и пулеметчиками машин. Спирин не мандражировал – интеллигент, конечно, но в пределах разумного. Для порядка осмотрели ЗСУ.

– Собственно, кого мы ждем? – поинтересовался Спирин, присаживаясь на корточки и осматривая ходовую бронированного чуда противовоздушной обороны. – О, в Спрингфилде изощрялись. Смотри, как натяжитель оригинально усовершенствовали.

– Полагаю, начальство мы ждем и выдачи личного оружия, – пробормотал Земляков, все же сомневающийся, что вся эта группировка техники и живой силы призвана облегчить работу одной-единственной опергруппе. – Ты, Вадим Алексеевич, бронетехнику, конечно, изучай, она мощная и интересная, но в пустой кобуре хотя бы огурец положено иметь.

– Насколько я понимаю, мы головами должны работать, а не пистолетами, – заметил лейтенант Спирин и попросил: – Жека, а Жека, одолжи у своих знакомцев нормальный карандаш. Я пока специфику зарисую. Мы же все равно ждем...

– Дождались, – Женька увидел свернувший от большака «виллис».

Товарищ Попутный сидел в джипе плотно, истинно по-полководчески, окидывал технику и бойцов орлиным взором, от коего ничто укрыться не способно. Женька невольно подтянулся и попытался локтем сдвинуть подальше за спину неуставную финскую кобурку.

Водитель «виллиса» лихо тормознул, высокопоставленный седок повел плечами, стряхивая небрежно накинутую кожаную куртку – сверкнули золотом полковничьи погоны, пара орденов. Блестящее начальство изволило высадиться, обернулось, но пассажир из кургузого кузова джипа уже и сам успел выпрыгнуть на разбитую гусеницами и колесами твердь...

Женька онемел...

– Личная снайперша? – пробормотал Спирин. – Вот устроился полковник. Кстати, она на эту, вашу, похожа...

Масккостюм в стандартных «амебах», ремни, солдатские сапоги – вполне можно и обогнаться. Но манера закидывать на плечо СВТ и пилотка, неподражаемо сбита набок и непонятно каким чудом держащаяся на светло-золотых локонах, – неповторимы. Ну и, конечно, манера двигаться...

Улыбалась издали...

Прошли мимо, направляясь к торопящимся навстречу товарищам офицерам. Женьке старший сержант Мезина украдкой подмигнула, Попутный вообще не заметил – деловито отряхивал фуражку...

Коваленко рапортовал, полковник требовательно обозревал технику и бойцов – лейтенант автоматчиков уже прокричал «становись!».

– Так это она и есть? – уточнил Спирин. – Откуда? Она же вроде бы того...

– Иногда они возвращаются, – промямлил ошеломленный Земляков.

Из-за бронетранспортера высунулся Торчок:

– Отож, товарищи лейтенанты, дело нынче пойдет? Раз такое подкрепление...

...Стояли в строю. Полковник Попутный прошелся вдоль шеренги, отечески поправил чехол с диском юному автоматчику и выступил с краткой речью: мыслью по древу растекаться не стал, на удивление лаконично и без шуточек напомнил о «важности задания и осознании ответственности». Выглядел он крайне убедительно: не иначе прямиком из Ставки, а то и вообще боязно сказать откуда...

Армейцам было приказано «вольно, разойдись». Опергруппа осталась стоять, начальство махнуло Мезиной, ждавшей в сторонке, и приблизилось к короткому строю опергруппы.

– Вижу, здоровы и готовы к выполнению, – Попутный соизволил поручаться с каждым из оперативников. Отдельно поздравил украинского капитана с прибытием, Спирина сообщил, что «без него работали как без рук». Ефрейтору Торчку было рекомендовано «все-таки научиться по-человечески бриться, поскольку Красная Армия выходит к границам Европы, а народец там нервный, будут потом всякие бредни о сибирских неандертальцах выдумывать». Товарищу Землякову указали на то, что времена партизанщины закончились и ношение трофейных пистолетиков есть «манерничанье, недостойное звания советского офицера». Наконец, полковник представил личному составу старшего сержанта Мезину:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.